

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 18 ноября 1989 г. № 137 (6705)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 10 КОП.

В Политбюро ЦК КПСС

На состоявшемся 18 ноября очередном заседании Политбюро была заслушана информация первого секретаря ЦК Компартии Литвы А. М. К. Бразаускаса о работе партийных организаций республике по осуществлению задач перестройки.

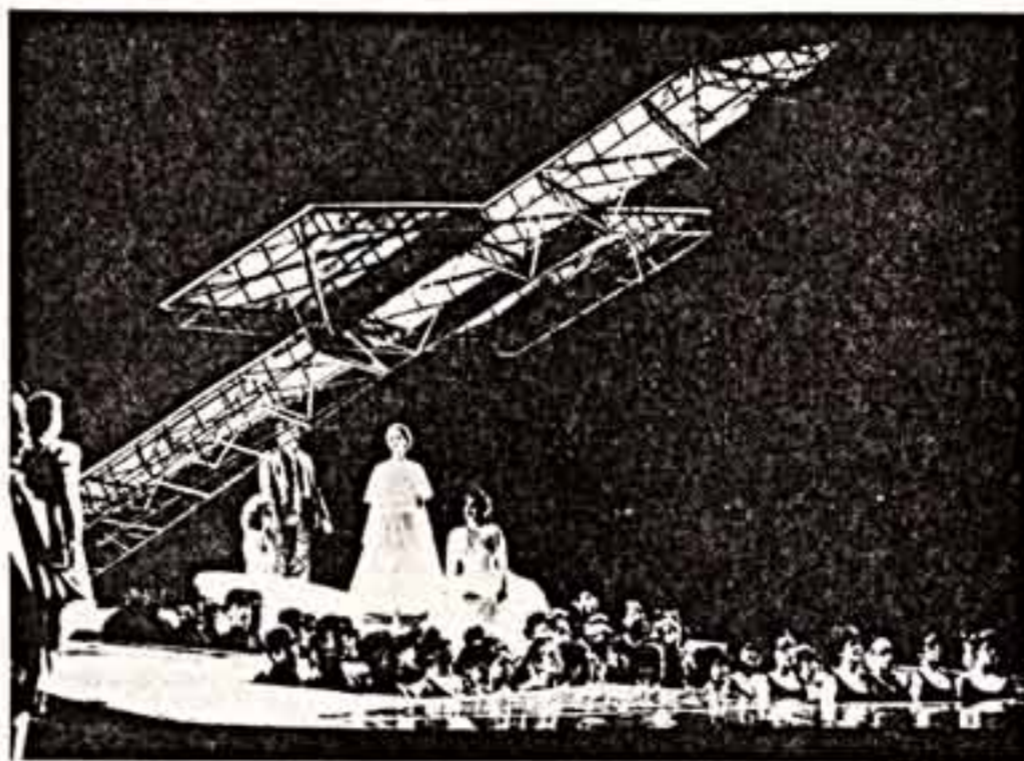
В ходе широкого и принципиального обмена мнениями, в котором приняли участие члены и кандидаты в члены бюро ЦК Компартии Литвы, было всесторонне рассмотрено развитие обстановки в республике. При этом отмечалось, что политическая перестройка, разработанная КПСС, пользуется пониманием и широкой поддержкой коммунистов и всех трудящихся Литвы. Перестроечные процессы обновления практически охватили сейчас

политическую, экономическую, социальную, культурную и другие сферы жизни общества и по-новому поставили вопрос о деятельности партии.

Вместе с тем обращалось внимание на то, что перестроечные процессы идут неоднородно и во многих случаях как с накопившимися проблемами и новизной решаемых задач, так и с активизацией сил, стоящих на нетрадиционных, а в ряде случаев на антикоммунистических и националистических позициях. Подчеркивалось, что в этой нестандартной, необычной, а во многом сложной обстановке партийные организации нередко отстают от событий, не всегда своевременно воору-

жают партийный актив, трудовые коллективы четкими политическими ориентирами. В контексте обсуждаемых проблем были затронуты вопросы, связанные с подготовкой и проведением XX съезда Компартии республики. Участниками заседания этого события для осуществления социалистического обновления и особой ответственности, которая ложится на Компартию Литвы как одного из отрядов КПСС.

Со стороны Политбюро ЦК КПСС были выражены пожелания литовским коммунистам консолидации партийных рядов и успеха в решении политических и социально-экономических задач перестройки.

Заканчивает свою гастроль в Москве Пермский театр оперы и балета имени П. И. Чайковского. Разнообразный, интересный репертуар, с которым творческий коллектив уральцев познакомил москвичей, еще раз подтверждает признанию за ним репутацию «лаборатории советской оперы». Показывая его труппой, и сами, впервые в нашей стране, опера Эдисона Денисова «Пена дней» стала одним из заметных событий столичного музыкального сезона.

Это произведение, написанное композитором по роману известного французского писателя Бориса Сеня, буквально ошеломило своей необычностью и музыкальной новизной.

Премьера оперы состоялась в Париже в 1986 году, где получила широкие признания и имела большой успех. «Удивительно свободное произведение, необычное по своей привлекательности и внутреннему богатству» — так отзывался французский пресса. «Я писал оперу без всякого заказа, для самого себя», — говорил автор.

В целом работа театра заняла около двенадцати лет, закончил партитуру в 1981 году. Для меня театральная логика неразрывно связана с музыкальной, поэтому либретто и музыка родились одновременно.

С большой ответственностью отнеслись к работе над оперой музыкальный руководитель и дирижер театра Г. Мурагов, режиссер-постановщик В. Голод, режиссер-консультант Э. Пасынков, сценографы В. Васильев и Т. Филатов, Выразительная сценография В. Герасимовича органично вписалась в общий постановочный замысел. Исполнительское искусство солистов и хора, сумевших уловить сложнейшую стилистику произведения, поставив его музыкальную драматургию, обеспечило достаточно высокий художественный уровень спектакля.

Постановка лирической драмы Денисова «Пена дней» — еще одно убедительное подтверждение творческой зрелости театра.

Т. КВАРДАКОВА.

Сцена из оперы Эдисона Денисова и солисты театра Л. Мамедова и Т. Пулитова после премьеры. Фото А. Скузунка.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

The Washington Post «ПЕРЕМЕНЫ НА ВОСТОКЕ—ПОДЛИННЫЕ»

Американская газета «Вашингтон пост» опубликовала статью Дэвида Хоффмана в номере 11, в частности, говорится: Президент Буш заявил, что, по его мнению, программа реформ Горбачева носит необратимый характер.

«Возврата и старому нет», — сказал Буш, имея в виду выдвинутый Горбачевым план перестройки.

Буш сообщил, что у него было два «очень интересных семинара» по проблемам советской экономики в ходе подготовки и встречи на высшем уровне на борту норвежской полярной шхеры в будущем месяце.

Вопрос о том, как должен быть реализован экономический реформ Горбачева и должен ли он это делать, Горбачев обсуждал в администрации и других кругах в последние месяцы.

Некоторые светские деятели высказались за то, чтобы предоставлять помощь со стороны Запада, учитывая возможность того, что реформы Горбачева могут потерпеть провал и за этим последуют внутренние репрессии. Однако другие заявляют, что условия, предлагаемые Горбачевым, тянут в себя самое большое обещание по сравнению со всем, что было до сих пор, положить конец «холодной войне», и что Запад должен принять меры, чтобы помочь ему проводить эти реформы.

«Я готов обсуждать с г-ном Горбачевым широкий круг экономических вопросов», — сказал Буш.

Говоря о Восточной Германии он заявил: «В настоящий момент в Восточной Европе и в Советском Союзе происходит динамичные изменения». «Но нет речи о том, что они могут дать обратный ход», — заметил Буш.

«Существует ли оппозиция Горбачеву в Советском Союзе? Да, существует. Единственное, что надо делать, — это следить за их новой открытостью, новой гласностью в законодательном процессе и слушать мнения в администрации и критике. Он приобретает голоса, он теряет голоса, но, думаю, он прав — возмущать и раздражать», — сказал президент Горбачев.

Буш сказал также, что убежден в полноте перемены в Восточной Европе, добавил: «Мы продолжим действовать осторожно, чтобы не усугубить напряженность, тянущую создание новой Европы — целостной и свободной».

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

О тиражах журналов О звездах разной величины

Е. Соколова, инженер, Москва:

— При отборе печатных изданий, при оформлении подписки каждый решает для себя, чем то или иное издание его порадует в текущем году и чем может порадовать в следующем. Выбор издания в значительной степени определяет и личность его главного редактора, и цели, которые он ставит перед своей редакцией. Когда же после окончания подписки миллионы волей директивных органов происходит смена главного редактора, резонно возникает вопрос: в какие сроки и на каких условиях можно вернуть подписку на газету или журнал, у которого с заменой редактора очевидно, изменился лицо?

И тогда вполне законно, как мне кажется, малые читатели аннулировать подписку.

О пособиях выпускникам учебных заведений

А. Марнов, экономист, Москва:

— Третья часть выпускников школ, ПТУ и техникумов не могут устроиться на работу. И это одна из причин роста подростковой преступности. Я предлагаю выдавать пособие в размере 40 рублей в течение 3 месяцев подросткам-выпускникам, не нашедшим работу, и 60 рублей, если они прожизнь не превышают 75 рублей в месяц на человека. Расход средств на эти цели оправдан, ведь преступность наносит ущерб государству в 4 миллиарда рублей, а это значительно больше предполагаемых затрат на пособия.

По рубрике дежурки

А. ГАСПАРЯН и М. СИМОНОВА.

Рисунки К. Рыбалко.

Иван Тимофеевич говорит по-японски

Даже если бы фильм «Очищение», снятый в «Экране» режиссером Н. Соболевым, и не получил бы никакого приза на пятом Всесоюзном телефестивале в Токио, факт его участия в крупнейшем телефестивале, безусловно, стоило бы отметить.

Ведь для творческой программы призван фестиваль последних дней из 550 документальных и игровых картин отобраны 11. А жюри состояло из 200 человек, 200 критиков и всего только 11 карт! Признаться, подобное соотношение даже для высветящего фестиваля мирового класса кажется необычным.

При этом художественное достоинство фильмов-конкурсантов были не единственными критериями отбора. Каждая лента косвенно или напрямую рассказала зрителю о сложностях и печальх своей страны. В течение четырех дней между этими картинками шел напряженно-творческий поединок. В итоге победителями вышли советский фильм, завоевавший на далеком японском острове главный приз фестиваля.

Сказать по совести, такого оборота событий газета «Советская культура» не ожидала. А ведь именно в стенах нашей редакции начиналась история, послужившая поводом к созданию «Очищения». Журналисты «СК», Т. Маньшинова и Ю. Соломонов (они же авторы сценария фильма-призера) примерно год назад познакомились с Иваном Тимофеевичем Шеховцовым. Думаю, читателям «СК» это имя говорит о многом. И. Шеховцов — убедительный сталинист, чего, кстати говоря, сам он в юном возрасте не скрывает. Прочитав в «СК» высказывание А. Адамовича о том, что он, Шеховцов, «торжествующий защитник палачей», Иван Тимофеевич подал в суд на газету, желая восстановить честь журналиста. Судебный иск и стал точкой отсчета так называемого на страницах «СК» «дела Шеховцова» — сам процесс со временем переменил надран картину «Очищения».

Безусловно, значение авторского фильма обречено на исторический успех, поскольку, чтобы нести ответственность, тем не менее не удерживать от реплик: Иван Тимофеевич Шеховцов, сам того не ведая, содеяв добрую службу нашей газете и телевидению.

В октябре этого года была предпринята попытка и зрителям Канского фестиваля и имели немалый успех. Однако с популярностью не сопоставимы: чем же картина так привлекала зрителей?

Сегодняшние японцы, столь тщательно оберегающие свои древние традиции, внезапно стали оглядываться в прошлое, где тоже было немало жестокого и горького. И стали открывать традиции, если они бесчеловечны, стремясь стать милосерднее. Это объединило нас с ними.

Мы ведь тоже возвращаемся к прошлому, говорим о нем и будем, наверное, еще долго возвращаться. И в этом не просто дань бездумно погоним: в этом осмысление жизни сегодня, в этом истоки серьезных нравственных перемены, отвечающие наше общество.

Н. МЕСХИ.

За строкой биографии

После реконструкции в Москве вчера открылся Государственный музей В. В. Маяковского.

— Мы хотели, чтобы те, кто приходит к нам, познакомились с Маяковским не только как с поэтом, но и в первую очередь с человеком, — говорит автор концепции или «сценария» экспозиции Т. Поляков.

Много манускриптов, создававших миф о классике пролетарской поэзии, наслоилось на жизнь и творчество В. Маяковского. Создатели новой экспозиции решили уйти от старым мифов. Здесь практически ничего нет увеличенных фотографий поэта, но зато масса примет того времени, когда он жил. Школьная перга начала века, афиша из Кутанской гмы, нарисованная в детстве Маяковского, плакаты, даже столовые приборы — все напоминает о различных этапах в судьбе поэта. В том числе и занавешивала ли не половину одного из залов макет знаменитого Бруннинского моста.

Экспонат за экспонатом — словно иллюстрация к строчкам биографии. И не всегда это документ или подлинный предмет времени. Порой это символ, как, например, большой меховый шар, из которого вырываются сложные конструкции, напоминающие сканеры футуристов. И бытовая в глаза воспринимается вещь, и надписью на нем «Хорошо» тоже из того времени — времени работы поэта на революцию.

Экспозиция разместилась на нескольких этажах здания. Сохранена в неприкосновенности лестница, подвешенная по которой, полагается в коммунальную квартиру, где поэт прожил несколько лет жизни в Москве, откуда он ушел в бессмертия. Все обстановки в комнате Маяковского остались прежней — диван, письменный стол, полки с книгами. Но зато преобразилась остальная часть квартиры. Здесь художники попытались изобразить коммунальную быт той поры, ушедший как бы глазами самого Маяковского: матрасные пружины размером с маленькую тумбочку соседствуют со столом из зеленого эмальничьего сурика и вилками, отсутствующими в коллекции.

Пусть у читателя не создается впечатление, что в экспозиции не нашлось места для подлинных документов, связанных с жизнью Маяковского. Их здесь много, и каждый необычайно интересен. И все они как бы дополняют окружающую посетителя необычайную среду, созданную художниками во главе с Е. Амслером. Их стремление по-новому взглянуть на творчество и жизнь поэта, используя при этом неординарные и во многом неожиданные выразительные средства, теперь реализовано М. Несомненно, привлечет внимание тех, кто придет в этот дом в проезде Серова.

А. МОСЕСОВ.

Проблемы Чернобыля с весны 1986 года — в поле внимания нашей газеты.

Сегодня мы публикуем материал Джеммы Фирсовой «Запредел».

5 страница

РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА

20 ноября на сцене Московского театра оперетты начинаются жизни музыкальный театр «Форум» под руководством Михаила Юрковского.

«Форум» — театр контрактный, не имеющий постоянной труппы, исполнители и постановщики приглашаются на каждый спектакль.

Для открытия театра выбрали, на него же и шедшая в нашей стране опера Дмитрия Бортнянского «Наши Фабий». Спектакль поставил дирижер М. Юрковский и молодой режиссер А. Бородинский и Д. Берман. В главных ролях заняты такие известные певцы, как З. Сотникова, В. Богачев, А. Меленинников, Е. Брылева, и другие.

А. МОСЕСОВ.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

10 страница

— Жизнь моя прошла в эпоху войн и революций, — пишет старейший спортсмен и литератор Борис Борисович Лобач-Жученко, — не удалось осуществить золотую мечту детства — увидеть созвездие Южного Креста... А что удалось?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРОБЛЕМЫ

МИР ИЛИ «БЛАГАЯ ЦЕЛЬ»?

Для НАЧАЛА — пару цитат из западной прессы. «...Но несмотря на это, и мы как страна, и вся организация НАТО должны сохранять бдительность и не ослаблять усилий в оснащении наших вооруженных сил новейшим оружием...».

«...Нынешние сдвиги на международной арене, в том числе «миролюбивые» акции СССР, стали возможны исключительно благодаря «твердой позиции» Запада...».

Это довольно часто встречающиеся и весьма характерные цитаты, приведенные из выступлений должностных лиц западных государств. Впечатление складывается такое: некоторые западные руководители вроде бы хотят признать неоспоримое: подлинное миролюбие, убедительно демонстрируемое нашей страной, конкретные меры со стороны СССР по снижению военной опасности, чаще всего — односторонние, реальные шаги по переводу в жизнь конвенции, то есть перевода военной промышленности на выпуск мирной гражданской продукции.

Это — с одной стороны. А с другой стороны — демонстрируют неистребимое желание водить все эти неоспоримые факты, мягко говоря, «по-своему»: как будто бы вынужденные, предпринятые под давлением, под диктовку обстоятельств. Или — если удастся — поданные так, чтобы вызвать недоверие к нам, сомнение в истинности намерений СССР, новарного и хитрого партнера в проходящей дипломатическом уровне «игре», где тоже — кто кого обиграет?.

Мы, конечно, могли бы не реагировать на эту ситуацию, на такой, в сущности, застарелый образ мыслей наших партнеров по взаимным переговорам, где выработается механизм перехода от военной конфронтации и деловому и честному сотрудничеству, которое должно коренным образом изменить взаимоотношения сторон иблонов. Но мы не можем проходить мимо нагнетания нового рода опасности: появления привычки и недоверия и необходимости «принятия мер» по старым образам — путем перевооружения и довооружения (термин, вошедший за последние годы в лексикон милитаристских кругов западных стран), будто бы способных обеспечить будущее мирное развитие международных отношений.

Если авторы этих высказываний на самом деле думают так, то мы должны их разубедить в этих «убеждениях»: они ни в какой мере не соответствуют фактичному положению дел. Наша внешнеполитическая программа базируется на глубоком изучении как сложившегося положения, так и на горьком опыте прошлых лет, когда взаимные недоверия и подозрения разъедали жи- вую ткань отношений между странами и народами, толкая их на поспешные и далеко не лучшие действия, продиктованные страхом и так называемыми «гипотетическими мерками», которые предпринимать конфронтующая сторона, поставившую в невыгодное, со стратегической точки зрения, положение.

Натренировав такого рода «созображения» и размыслив моменты и в прач «трещинах», самым тяжелым из которых — это требование действий в направлении разоружения.

Пример такой «твердолобости» в позициях, сформировавшихся еще в годы «холодной войны», — точка зрения британского министерства обороны, выраженная на днях в заявлениях самого господина министра. Им придется представить читателю в силу характерности рассуждений такого рода.

Том Кинг, министр се

личества, сетует на то, что изменения в международном обстановке устанавливаются такой политической климат, который приводит «некоторых людей к мысли о необходимости обороны». Министр переадресует. Правильнее было бы сказать: «и мысли о ненужности гоним воображений». Но это выглядело бы не так глупо. А «копнуть» оппозицион, оз, как хочется. А потом даже «напасть» на них: «Было бы безрассудно и почти преступно менять наш подход... И я не предвижу никаких перемен в данной области, пока существует угроза применения ядерного оружия против нас...» Где господин министр почуял такую «угрозу» — сия тайна останется на его совести.

ВОПРОС — а почему все-таки переадресует министр? Ради какой благой цели?

Увы, ответ тут прост. Министр отражает те настроения консерваторов, которые отвергают любые шаги на встречу друг другу, не верят в возможность мира без войны, мира без противостояния, без конфронтации. Они — пока в прошлом, мыслями, убеждениями, планами — в том самом прошлом, где главная «опора» — Бомба...

Хорошо, что президент США не разделяет таких «созображений».

Григорий ОГАНОВ, политический обозреватель «Советской культуры».

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

КАЛЬМА БУДЕТ ЖИТЬ...

26 октября 1988 года наша газета опубликовала статью инструктора ЦК КПСС А. Филина «Кальма просит защиты...»

НАПИСАЛ: «Кальма будет жить» и тут же споткнулся на сомнении: какой знак поставить — вопросительный, восклицательный? Нет, ни утверждение, ни вопрос не отражает истинного состояния маленького инхского села на берегу Амура год спустя после выступления в газете.

Дело не только в статье. Надежды на то, что газетный материал подвигнет местные власти на защиту приходящих во все большей упадок многих национальных поселений в крае Кальма, явно не оправдались. Ведь и крайком партии, и крайисполком, так же, как Минлеспрот СССР, Миярбхох СССР, отмахнулись после публикации, словно вся критика и поставленные вопросы их не касались.

Дело в том, что больше года прошло после XIX партийной конференции, в решениях которой говорилось о необходимости всесторонней заботы о национальностях, не имеющих территориальных образований. В январе было принято постановление, потребовавшее устранить недостатки в социально-экономическом и культурном развитии народностей Севера. Боль и тревога за судьбу малочисленных народов на всю страну прозвучала с трибуны Съезда народных депутатов СССР в речи на языке Е. Гаер. Год, как партийные организации готовились к Пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу, а значит, вместе с Советами должны были устранить самые вопиющие несправедливости. Само время, спрессованное событиями, заставляет действовать партийные органы и Советы и вселяет надежду на результат. Вот и Хабаровский крайком КПСС тоже не раз обращался на заседания своего бюро в вопросах работы среди коренного населения, в крайисполком постепенно, район за районом, рассматривает планы социально-экономического развития, предварительно обсуждая их на сельских сходках и районных конференциях.

Отсюда мой закономерный интерес и уже знакомым селам Кальма, Белоглинка, Булада, Оремфи, Тиевяха Ульчского и Николаевского-на-Амуре районов, и их жителям. Что они скажут, каково сегодня их настроение?

В маленьком клубе дружно, как и в прошлый раз, собрались кальманцы, и вновь заинтересованный разговор о работе, национальном языке и традициях, о быте. Как и прежде, в Кальме не создано отделение колхоза, жилье не ремонтируется, интернат, в который вот-вот должны собраться со всего района и началу учебного года дети внахот и негдалыча, с протечками, обвалившимися потолками. Да и школа, несмотря на косметический ремонт, по-прежнему в запущенном состоянии. Но все же настроение у людей иное, не безнадежное. Почти два десятка лет село на рудном выделении, а тут бригада плотников ставит дом, в котором разместятся фельдшерско-акушерский пункт, АТС, квартира. Закладывается еще один...

И предложения деланные есть: создать бригаду и закрепить за ней угодья и орудия лова, научить хорасчету, открыть филиал мастерской художественных промыслов и сувениров, животноводческую ферму, помочь в индивидуальном строительстве, выпускать на инхском языке страничку в районной газете, которую могли бы поначалу готовить сами учителя кальманской школы.

Внимательно выслушав в суть пожеланий кальманцев, я абсолютно искренне кажусь разговором о том, что в национальных селах не доброт и не уютно хорошо трудиться, что в основном хотят сделать невидимые старшего брата. Был же здесь, до укрупнения хозяйства колхоз «Красная звезда», имел он неплохие условия, справлялся с рыбообработкой, расплачивал поля.

Конечно, застой способствовал деградации национальных районов в еще большей степени. Тем не менее, пока не поздно, надо возродить захоронения в 30—40-х годах трудовые

традиции, когда коренной житель не только сам умел работать, но учил с малых лет своих детей рыбной ловле, охоте, огородничеству, умению построить кунгас (лодку), дом, изготовить различные орудия лова. Возродить их возможно только при тесном сотрудничестве современной школы, родителей, заинтересованности хозяйства.

Особенно важно не погубить возрождающуюся инициативу людей, начинающих себя вновь чувствовать хозяевами на своей земле.

Вот как в Белоглинке. Именно о ней перед отъездом в район говорил мне зав. отделом народов Севера крайисполкома О. Закасовский: судьба Белоглинки решена, люди согласны переселиться на центральную усадьбу.

Что, опять «бесперспективная» деревня? Новый виток укрупнения центров колхозов и окончательного разорения крестьянских подворий? Грустная тема, знакомая теперь нам не только по большому написанному страницам газет и книг, но и по пустым прилавкам магазинов и рынков. Поэтому можно представить, как приятно разочаровала меня в компетенции работников крайисполкома сами сельчане, заявив, что они не допускают мысли покинуть Белоглинку. И дабы не было сомнений в этом, указали на приметы будущей стабильности хозяйства. Они могут показаться, правда, незначительными читателю, привыкшему замечать лишь наши «шаги саженца».

Первое за последние годы новое строение, отличающееся от потемневших от времени избушек срубленными бревнами, — личная ферма Юрия Самалина, построенная им с женой для 30 бычков, которых они теперь научат растить и сдавать колхозу. А чтобы сподручнее было работать с кормами, купили трактор. Не легка забота о хозяйстве, но зато жить стало интереснее. Так считают и киномеханик Иван Мазин, тоже бывший на отрыве десять бычков, и другие жители, приветствующие честный и добросовестный труд.

Как можно не порадоваться, обнаружив в зав. отделением колхоза Александре Кирбасове, первом секретаре райкома партии Викторе Пинчине людей уличенных, горячих, шустрых. Это они сами промерили буквально каждый метр будущей дороги в Белоглинку и рассчитали, как преодолеть болото и речку. Надежда и боль В. Пинчуна — 150 гектаров целины за Белоглинкой. Надежда потому, что эти гектары, расположенные вблизи торфяников, обещают кормовую базу, развитие села. Боль, потому что разработка ведется самостоятельно, на глазах, лишь плутом-кустаром, нет специалиста-мелиоратора, нет корчевателя и другой необходимой техники.

Вся беда в том, что когда-то решили не создавать в районе отделение агропрома, и сколько бы руководители района и исполкома ни обращались за помощью в край, ответ один — отказ. Но как можно не развивать сельскохозяйственное производство наряду с лесозаготовками и рыбодобычей, если район имеет поистине неограниченные сенокосные угодья и пастбища? Заливные дуга на левом берегу Амура простираются на необозримые пространства, сено в них косят не только для себя, но и для других районов края и Сахалина. Мы были на уборке кормовых культур: подсолнечник, овес, бобы, они настолько густы, что техника справляется с трудом. В Белоглинке, Тьре, Богородском выращивается картофель по 200—300 центнеров с гектара.

Я понимал обеспокоенность В. Пинчуна, который на пленуме крайкома партии в июне нынешнего года говорил: «Коммунисты выражали неудовлетворенность положением дел на селе. В таком районе, где практически все растет, мы имеем две сотни на одного человека. Были и раньше разработаны программы по Ульчскому и Николаевскому районам, но они не выполняются. Надо не волонтерить и принятие программы по развитию национальных сел. Мы

уже год тому назад по этому вопросу в крайисполком давали предложения, но, кроме обещаний, ничего не делается».

Тем не менее нельзя не порадоваться, если год спустя после посещения Ульчского района можно видеть, что для полнокровной духовной жизни народов Приамурья здесь начинают создаваться еще далеко не удовлетворительные, но хоть какие-то приемлемые условия. На ульчском языке теперь не только можно услышать радиопередачи, но и прочесть страничку в районной газете.

В марте представители каждого национального села образовали свой общественный совет «Северянка». А летом и первые мероприятия провели — фестиваль национальной культуры, выставку-продажу сувениров и амuletов, конкурс блюд национальной кухни.

Конечно, не сравнить природные, материальные и духовные условия той же Белоглинки на Амуре и другой Белоглинки, что как-то увидел вблизи Симферопольского аэропорта. В одной — на нерасчищенном поле трактор с порванными гусеницами, не одолевший узлы тяжелых корней, в другой — благоустроенные сады и поля. В одной — надежда на будущую «дворцовую» и тесда-шину, в другой — асфальтированная трасса, красивые дома, рядом театры Симферополя и сама она в центре Крыма. Но подумалось, разве виноваты люди, живущие в амурской Белоглинке, что природа не подарила им такой благоприятный климат, а развитие края прошло где-то стороной? И разве меньше стоит добытая им: трудом деликатная краснотелая рыба? А если нет, то не отдаст ли как-то нам свой долг, накопившийся за многие годы, этно равно стареющим под восточными и северными ветрами труженникам, этим малышам, растущим без детских садов, клубов и кинотеатров?

А может быть, не дождались, когда закончатся глобальными вопросам избранные нами народные депутаты СССР, стоило бы объединить свои усилия и Детскому фонду, и Фонду милосердия, и Фонду культуры, и многим другим фондам и организациям, чей вместе взятый аппарат, наверное, съедает сумми, которых хватило бы благоустроить одну Кальму и Белоглинку? Да и нам, живущим куда в более благоприятных условиях, хотя немало и своих прорек, не грех отступить хотя бы небольшую долю от своего кошелька. В Хабаровском крае ред предпринятый, особенно те, что своей деятельностью нарушают экологическое равновесие, уже перечислили около 100 тысяч рублей в недавно созданный центр эстетического воспитания «Нани», руководителем писатель нанец Андрей Пасар. Вот и министерствам, чья предпринятая черпают золото, рубят лес, вылавливают рыбу, вывозят пушнину, поделится бы с народами, что продолжают жить на берегах осужденных рек в среде поредевших лесов.

Но уверен, что равновесие своих земельный быт куда больше чем отсутствие внимания к ним-то неведомым ведомств.

В Николаевском-на-Амуре районе, например, где и центр куда мощнее и развитее, чем в Ульчском, о делах национальных у руководителей района тоже стала болеть голова. В городе организовали выставку национального искусства, в поселке Маго соревнования по национальным видам спорта провели, а на берегу бухты Лазоревской состоялся народный праздник. При горсовете теперь создана рабочая группа северян.

Тридцать лет назад в районе было более 30 национальных колхозов. Зато после ликвидации «интерперспективных» сел и укрупнения хозяйства остался один колхоз «Ленинск», и тот национальным можно назвать с натяжкой. Сегодня в его управлении нет ни одного колхозника коренной национальности, отсюда часто и отношение к нуждам северян на втором плане.

Но более всего поразили Тиевяха, поселение на живописном берегу амурского лимана. Тягостное впечатление оставляют заброшенный Нижне-Амурский рыбокомбинат, разрушенный стихией и временем причал, осевший в землю и воду барак, предназначенный десятилетиями для временного летнего жилья, в котором за неизменным много жилища во все времена года живут семьи с детьми, пенсионеры. Так что даже сооружение в этом году дома под клуб и реконструкция электростанции мало радует жителей села. Поразительно, рядом охот, которую можно ловить чуть ли не на окоп развалюх, морозвер, а работы для людей нет. Но ведь обо всем этом говорили прошлым летом в краевом развале! Не искусство, а дар болель, и что-то, конечно, от себя развалюх бесплатно. Вот в за них и шел по доброте и уютности во мне добра.

Потраивание меня настало, когда отец умер. Семья большая — ни копейки денег. Прошли соседки по Ельцу и собрали мастеру на похороны да на пропитание его семье. И отпадал его здорово знакомый нам батюшка. Мать ему за службу-то все собранные деньги и выложила. А он посмотрел, вздохнул и сказал:

— Маловато дашь, матушка.

Мать растерялась:

— Так все тут...

Поп подошел и верстаску, поглядел его рукой и нахмурился:

— А верстасочко-то тоже денег стоит...

Вот так и стал отходить от религии. Знаю хорошо Библию, Евангелие — умнейшие и нужные книги. Но во что стал совершенно неверующим. Но в то же время я стал религиозно. Я бы что все собрал самое необходимое для души. Вела хорошую училку — милосердие для души. Неверной, все же в детстве она, религия, и тут. А потом — свой ум асть. Ведь от церкви по — вот и удаляют немилый народ. Ну сам посмотри! Где ты видел, чтобы так лек рол!

Дальше — он мне вопросы. Почему преступность так выросла? В городах страшнее, чем в лесу. Почему замство возмалочено? Почему женщины унизаны? В прошлом все же, как в лесу — благополучнее и справедливее было.

Дед служил поваром у генерала Ермолова. За мастерство дал генерал своему повелу волю. И спросил: чего еще хочешь? А дед: «Разрешить, батюшка, фамилию твою носить». Вот так они и стали Ермоловыми.

По мастерству мы всегда были заметны. Про отца в детстве говорили, что слышно ко мур натурой бы. Все деду называли — не наволить ребенка, а по желанию своему путь в жизни пусть избирает. Учился у художников, у краснодеревщиков. Его работы в Кнессе ценны. Он и нам, своим пятерым детям, называл — по душе, по душе всегда сверяется свои шаги. Вот я и на шагел. А на парозаво пытался работать, и слесарничал. Пором сердца пытался не пускаться на паровоз. Искусство обучался. Оно и спасибо — в ярини топографом был. Карты рисовал. По моим картам и Берлин брали.

НА КРУГЕ ЖИЗНИ

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ФАМИЛИЯ

ЗВОН осенней листвы стал вообще слабее. А дилии иногда совсем пропадают. Конечно, это можно списать на исчезающий слух. Но ведь как самолеты в небесах режут, он слышит! И в охоте Кирилла Ермолова открытие сделал: последние годы самолеты, как и птицы, траассу своих полетов проложили именно над заповедником.

— Теперь по-настоящему лес никак нельзя поспушать. Я-то ладно, с глухотой стал, но технику не обманешь. Сколько раз пытался птица пытался на магнитофон записать! Минута, другая — и слышит записку! Птица побое нежного солиста.

Я пришел в наму в гости на квартиру. Несколько лет назад в Графском заповеднике выстроили многоэтажное здание со всеми удобствами, в одном из них во благо оставших лет получила жилье и Кирилла Сергеевич.

— В гости, в гости, — ворчит лесовиком с шальной бородой. — Разве здесь поговорить по душе! Извините, но пошел на лесу бродить — там у меня и разговор складнее получается.

— Стильный воздух магнии джонками как бы надурует мироздание. Заодно и ты становишься чище, светлее. Идем в ольшар, где оленя. Не идея, а пляван по воздуху. У Ермолова шаг — и остановка. Чтобы взглянуть мне в глаза и что-то вспомнить, и неслучайно рассказать историю из жизни леса, из своей. Рассказчик он непревзойденный. Несколько лет назад извещающая молния ударила он неожиданно своей ингой, вышедшей в Центрально-Чернозёмном издательстве, «Лесные игнования». Беда, конечно, что прерванный слог, сопровождаемый фотографией ма мастера, лег на бумагу поганого сорта — не та радость глазу. Но зато какое упоение от слова!

В прошлом учителю, так и не окончивший институт. Ушел в заповедник, так как болел — ребята могут уловить, что он не всё досказал. Те же от войны этой Но, возможно, и от природы. К аранчи! Не обманешь.

— А что они могут? Просто надо чаще и себе самим преступиться. Вот радиуют стая олень. Когда слышатся сам, то уж природу не обманешь. Но не жалуюсь. Со слухом у меня не все в одной поре деринется. Момент, трампы поймаешь в момент, и слышишь, которое дрова вот эти царственные природы. Так, оленя поспотраив! Теперь и уточкам моим. Тут ридышны заезд — они и пеняютю! — Они тут все во мне принимают — выходящий мой маршрут. Сами по исть стали ложиться — пока разиняются, он и дель и завету. А ведь раньше километ-

ров по сорю в день марал... Мне сейчас знаешь, что мешает! Киникнул. Дочка в соседней деревне учительствует, так в ее вжиданно провозно на работу и с работы встречает. Вроде бы и мало — три километра, — в незаметная зародочка юрочка. И чувствуешь себя отлично. А как киникнул в школу — у меня в застой. Так и ломает, так и крутит без этих километров. Видишь, раньше сорю километром для здоровья были необходимы, а теперь трама обдорь и радуюсь.

Географы, биологи, университеты, пединституты — к нему. От студента до профессора. Как в мадамнику. А был-то от всего-навсего вгерам, старшим вгерам, охотоведом...

— Кирилла Сергеевич, а почему вы не одной книжкою останочились?

Видно, этот вопрос неприятен ему, и он обнадививающе обещает, что у него бесчисленно рукописей еще на несколько подобных книг лежит. Да все беда — кто хорошо издлет! Ведь он себе больше не пристаивает синтеат, а мастером по фотографированию живой природы.

— Вообще-то в оленю, как-то не так у нас все... Вот я, как охотник в засаде, жду своей радости людской. В Москве в нескольких издательства сразу выйдут несколько новых друзей — Леонида Савенго. У нас ведь была замая Василья Плесков здорово про природу пишет. Но он все это со своим другом, больше — как журналист. А вот Савенго! Со всем своим! И с талантом, и с наблюдением. Разные ему по письму и знанию не знаю. Да вот чудеса: кому он известен, кроме узкого круга специалистов? Наши вороневская писательская братия все за своего не считала. И вот в жиду, когда всеосознанный читатель будет потрясен этими сплюсанным открытием человека, пишущего о природе, она сама природа. Я его давным-давно открыл. На базаре. Я же птиц ловил совсем не для продажи, а для того, чтоб разговором завязать на рынках с чуждими себе подобными. Вот мы с ним и сошлись...

Птичку он не обидит, в зверя из ружья не пальнет, траинку зря не затопчет — прямо святой Тихон Задонский, посвятитель жизни монашеству. Только при Тихоне Задонском не было постоянно фотоаппарата, и Кирилла Ермолову он как бы прирос. Так и зочится с ним не о анрском, а в чем-то таком божевественном поговоришь.

— Трудности у меня с религией. А ведь я как в церковь па! Какую услугу находил в молитве, в россписи, что в храмине. Ведь в Ельце родились — красные города, который в церквах, как в

кузурде, стол. Отец был богомольнейший человек. Краснодеревщик. Он в детстве учился у знаменитого мастера Никоньяка. Каким он искусством в краях разал! Не искусство, а дар болель, и что-то, конечно, от себя развалюх бесплатно. Вот в за них и шел по доброте и уютности во мне добра.

Потраивание меня настало, когда отец умер. Семья большая — ни копейки денег. Прошли соседки по Ельцу и собрали мастеру на похороны да на пропитание его семье. И отпадал его здорово знакомый нам батюшка. Мать ему за службу-то все собранные деньги и выложила. А он посмотрел, вздохнул и сказал:

— Маловато дашь, матушка.

Мать растерялась:

— Так все тут...

Поп подошел и верстаску, поглядел его рукой и нахмурился:

— А верстасочко-то тоже денег стоит...

Вот так и стал отходить от религии. Знаю хорошо Библию, Евангелие — умнейшие и нужные книги. Но во что стал совершенно неверующим. Но в то же время я стал религиозно. Я бы что все собрал самое необходимое для души. Вела хорошую училку — милосердие для души. Неверной, все же в детстве она, религия, и тут. А потом — свой ум асть. Ведь от церкви по — вот и удаляют немилый народ. Ну сам посмотри! Где ты видел, чтобы так лек рол!

Дальше — он мне вопросы. Почему преступность так выросла? В городах страшнее, чем в лесу. Почему замство возмалочено? Почему женщины унизаны? В прошлом все же, как в лесу — благополучнее и справедливее было.

Дед служил поваром у генерала Ермолова. За мастерство дал генерал своему повелу волю. И спросил: чего еще хочешь? А дед: «Разрешить, батюшка, фамилию твою носить». Вот так они и стали Ермоловыми.

По мастерству мы всегда были заметны. Про отца в детстве говорили, что слышно ко мур натурой бы. Все деду называли — не наволить ребенка, а по желанию своему путь в жизни пусть избирает. Учился у художников, у краснодеревщиков. Его работы в Кнессе ценны. Он и нам, своим пятерым детям, называл — по душе, по душе всегда сверяется свои шаги. Вот я и на шагел. А на парозаво пытался работать, и слесарничал. Пором сердца пытался не пускаться на паровоз. Искусство обучался. Оно и спасибо — в ярини топографом был. Карты рисовал. По моим картам и Берлин брали.

чло и не сподвигло горном и горисполком на практические шаги.

На этом социальном фоне разного рода увеселительные мероприятия с национальным колоритом кажутся лишь ширмой, прикрывающей фактическое бездействие и душевную глухоту. Иначе почему едва народившийся национальный рыбообъемный кооператив «Нижне-амурец» натолкнулся на непробиваемую стену ведомственных интересов, а помощь не получила? Созданный же при Нижне-Амурском рыбокомбинате кооператив «Луныпандь» («Утренний свет») распался, не увидя света дня.

Хочется верить, что обещание местным Советам власть и право национальных сил распорядиться своими угодьями в корне изменят не только условия жизни, но и вызовут и штурвалу управления людей энергичных, разумных, инициативных. Ведь не секрет, что в тех самых национальных поселениях многие примыслились, привыкли и малому, не надеясь на лучшее и не желая бороться за него. И если встает вопрос, кто возглавит бригаду, кто возьмет на себя ответственность за конкретное дело, часто решительных не находится.

Теперь многое меняется. Дыхание перестройки потребовало внести коррективы и в верхнем эшелоне управления — Совете Министров РСФСР. Только что утвержден Восточно-сибирский государственный комитет по национальным вопросам, в котором, очевидно, будет создано подразделение, занимающееся проблемами народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Такого рода структура управления объективно необходима. Однако не лишним ли долго мы топчемся на месте вопреки образованию всего рода новых управленческих структур и, пользуясь гласностью, говорим, и говорим о проблемах, а воз и ныне там. Не отказывались от обсуждения общих подходов, не следует ли безотлагательно решать то, что наболело и хорошо известно? К примеру, вопрос о рыбе как основном продукте питания местного населения, его вновь поднимали представители всех народностей Приамурья, где бы мы ни встречались. Или экологические белы амурского бассейна. Социологическое исследование состояния межэтнических отношений в Хабаровском крае, проведенное крайкомом партии, ВПШ и Дальневосточным отделением Советской социологической ассоциации Академии наук СССР, показало, что 89 процентов опрошенных считают

главной среди социально-экономических проблем охрану богатств тайги, моря, рек и озера.

В платформе «Национальная политика партии в современных условиях» принятой сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС, вполне определенно заявлено, что партия разделяет озабоченность общественности возросшим малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока и считает, что эти народы нуждаются в специальной государственной защите и помощи. Партия предлагает предоставить Советам народных депутатов этих территорий исключительное право на их хозяйственное освоение, то есть на промысловые угодья, пастбища, внутренние водоемы, акватории прибрежных вод, леса, на создание заповедных зон в целях восстановления и сохранения мест проживания народов. А в ближайшее время созвать съезд представителей коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и образовать ассоциацию, которая представляла бы их интересы на всех уровнях управления.

Эта платформа находит широкую поддержку у северян, но, чтобы ее идеи стали реальной практикой, нужны проработанные законы и иные правительственные решения. Иначе она останется лишь благим пожеланием.

Один из инвалов — известный в стране литературными произведениями и страстной борьбой за улучшение жизни своих земляков Владимир Салги — как-то сказал: «Чтобы уничтожить птиц, не обязательно нужны ружья, — можно просто разорить гнезда». В жизни так часто случалось, к несчастью, не только с птичьими гнездами. Но, желая сохранить живое на земле, человек нередко сам приходит на помощь птицам и зверям, создавая для них заповедную тишину. Однако строит свои гнезда, борются за существование они сами.

На Нижнем Амуре еще сохранились родовые гнездовья народов, истари осваивавших этот дельный, богатый, но суровый край. Им тоже нужна помощь. Но, принимая ее, они и сами должны строить свое будущее, решать свою судьбу. Только тогда Кальма будет жить.

А. ФИЛИН,

инструктор Идеологического отдела ЦК КПСС.

Гонорар за эту публикацию автор просит перечислять на счет центра эстетического воспитания «Нани» № 702402 в Жилсоцбанке г. Хабаровска.

Показываю ему фотографию, какую хочешь предложить газете.

— Нормально. Только деревья вокруг меня обреза. Я люблю, как Мишка снимает — хороший мастер. Да только он все хорошо пообзавелся заграничными косоглазыми фотоаппаратами — вот и удаляют немилый народ. Ну сам посмотри! Где ты видел, чтобы так лек рол!

— Красн-и-во-я, — предраздывает он. — Красн-и-во-я и неправда. Хей! Надо же! Все березы в дугу, а наяд же это я, некто не изобретатель! Проще надо. А это для тех, которые

далек и от человека, и от природы. А кто поближе, тому покажи обыкновенную карточку, сделанную «ФЭДом», — он оставшую живость воображением дополнит, вспомнит. Мне вот музыка больше играет в черно-белом оттенке калявого листочка с каплей росы и обрычковым плутиком... Э-э, брат, тут есть моменты, чтобы о жизни и прекрасном удающим пофилософствовало...

Э. ЕФРЕМОВ,

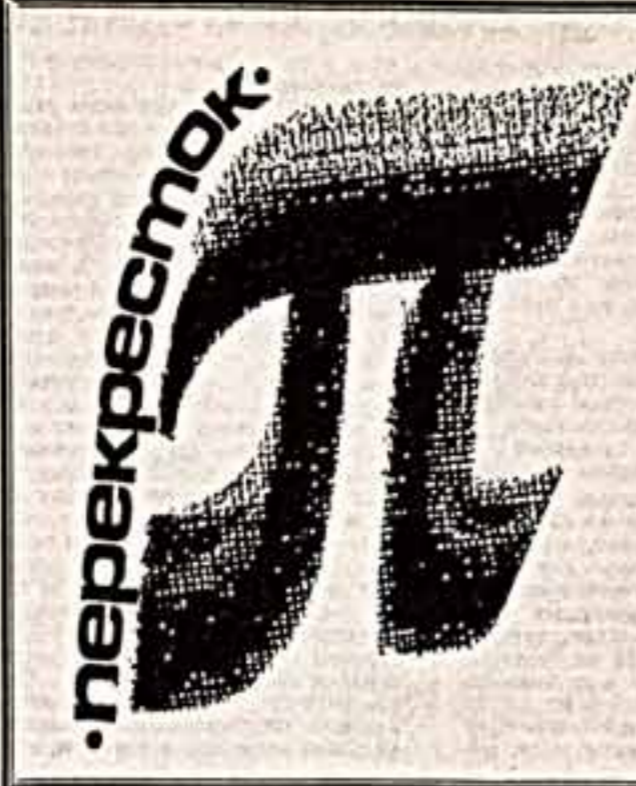
Воронежская область. Среди берез Кирилла Сергеевича Ермолова. Фото М. Вазюкова.

НО ВСЕ ЖЕ, ВСЕ ЖЕ...

Позвольте высказать свое мнение по поводу статьи «Так рассказывали правду...»...

В то время как артисты регулярно получали и съедали свой законный паек...

Б. ШЕРГАМ. РОСТОВ-НА-ДОНУ.

И что, позволяете спросить, стоят «музы» актеров по сравнению с муками партизана...

Рис. С. Михеева.

НУЖНО ЛИ САМОСОЖЖЕНИЕ?

Дорогая А. Шинкина! Ваше письмо (14 октября) — вопль о помощи, и обращен он к согражданам...

Итак, вопрос, принадлежит ли найденные костяшки останки Шандора Петефи...

ЛЕГЕНДЫ НЕНАДЕЖНЫ

Как уже читатели знают, международная экспедиция, организованная венгерским предпринимателем Ференцем Морван...

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

САТИРИКИ ПО ТАЛОНАМ

Мы ротару кормили хлебами, Пугачевой ковали корсет, чтоб они возмужали над нами, Изливая чернотой свет...

Беззащитный свидетель

В последние годы все чаще и чаще возникает в судебных заседаниях такая проблема, как отказ свидетеля и потерпевших от своих первоначальных показаний...

Вот Валерий Иванович Сергеев бросает на суrowый упрек от лица народа:

Г. ТАРАСЕНКО, народный судья, КАЛУГА.

Вашей газете 29 августа были напечатаны выдержки из письма Евлампия Григорьевича Луценко...

Итак, вопрос, принадлежит ли найденные костяшки останки Шандора Петефи...

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, вопрос, принадлежит ли найденные костяшки останки Шандора Петефи...

Рис. С. Михеева.

ИЗ МИЛОСЕРДИЯ? НЕТ, ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ!

Вашей газете 29 августа были напечатаны выдержки из письма Евлампия Григорьевича Луценко...

ХВАТИТ ПОУЧАТЬ

Решаю написать вам письмо после заметки «Эх, Миша» (14 октября)...

Г. ТАРАСЕНКО, народный судья, КАЛУГА.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

САТИРИКИ ПО ТАЛОНАМ

Мы ротару кормили хлебами, Пугачевой ковали корсет, чтоб они возмужали над нами, Изливая чернотой свет...

Г. ТАРАСЕНКО, народный судья, КАЛУГА.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

САТИРИКИ ПО ТАЛОНАМ

Мы ротару кормили хлебами, Пугачевой ковали корсет, чтоб они возмужали над нами, Изливая чернотой свет...

Г. ТАРАСЕНКО, народный судья, КАЛУГА.

Виктор Розов:

«Я СНОВА ПРИЗЫВАЮ К ДОБРОТЕ...»

Драматурга Виктора Сергеевича Розова представляют читателям не надо: на его известных пьесах, таких, как «В добрый час», «В поисках радости» и многих других, воспитывалось не одно поколение людей. Все творчество писателя направлено к тому, чтобы воспитать в душе человека, особенно молодого, доброту, отзывчивость, нетерпимость к проявлениям зла, жестокости, насилью. Куда же девались сегодня эти прекрасные свойства человеческой души!

— Не находите ли вы, Виктор Сергеевич, что кризис общества, охвативший сейчас почти все области общественной жизни, начался с кризиса нравственности? Мне вспоминаются в связи с этим слова одного из героев вашей пьесы «В добрый час». «Что ты делаешь? Ведь они живые!» — в ужасе восклицал он, когда из домашнего аквариума на тротуар влякла рыба. Оперативные сводки, сообщения газет, радио, телевизионные свидетельства о халатнейшей через край воле преступности, дикой жестокости, убийствах, увечьях и т. д. Причем совершаются все это, главным образом, молодыми людьми, а то и подростками. Во что же превратились наши добрые, трогательные в своей наивности мальчишки? Почему все это происходит?

— Да, кризис общества начинается с кризиса нравственности. Начался он тогда, когда люди стали лживы. А лживы они стали не оттого, что они плохие по природе, а оттого, что они вынуждены были лгать, доведутся: дома они говорили одно, а на людях — на производстве, на собраниях — другое. Это давно подмечено и выражено в художественной литературе, например, в знаменитом рассказе А. Яшина «Рычаги», когда колхозники перед собранием говорят о своих тяжелых делах в колхозе, но прозвонев звонок на собрание, и они стали говорить совершенно обратное. Этот порок возник от страха. Командная система выработала в человеке дурные качества, а с этого все и началось.

А преступность, жестокость, бесчеловечность — это просто «соцветие плодов». Мы лишь собираем сейчас «урожай». «Посевное» было давно, долгие годы обильно удобрялось — и вот расцвело пыльным цветом. Сейчас, когда стража стало меньше, все это выросло и нам в виде обильных плодов ужасного дерева, которое произрастало так долго в нашей многогральной стране. Правда, были и раньше жулики, а я знал случаи, происшедшие во времена застоя, когда в квартире с пожималым людям вошли грабители и изощренно пытали хозяев, требуя денег и драгоценностей.

— Но в то время это было все же реже, а сегодня слово «ракетный» не сходит с газетных полос и экранов телевизора.

— Да вот же, предельно замалчивалось! Преступники были всегда, но сейчас оттого что меньше стало страха и «попугали» наши правоохранительные органы, «глистые плоды» так долго возращаемого дерева лжи и лицемерия стали столь заметны и проявляют себя в самых ужасных поступках.

— Создается впечатление полной безнадежности. Долго уже до того, что во вчерашней квартире не чувствуют себя в полной безопасности. И что же дальше? Появятся ли и у нас благородные и бескорыстные борцы с преступностью, подобные новоссыру Каттану из неизвестного фильма «Спуты»? Пока их что-то не видно! Как же победить преступность?

— Единственный способ «войны» с преступностью — беспощадность. Другого пути не вижу. Нужен беспощадный отпор и, если хотите, сопротивление злу насильем. Может быть, и вылазку не слишком гуманную, но с угрозами и «перевоспитанием» мы уже безнадежно ололодали! Моя позиция исходит из состояния общества. Надо создавать законы, в частности и уголовные, от которых зависят жизнь и спокойствие миллионов граждан, не исходя из «милых, добрых, светлых пожеланий» либерального характера, а из того состояния, в котором находится общество, это нужно, чтобы охранять покой, жизнь, труд людей честных. И тут надо быть очень твердым и непреклонным. А сейчас, не секрет, милиция проявляет некоторую «робость», что приводит к еще большей разнузданности негодяев. Не говорю уже о том, когда преступления совершаются... самими милиционерами. В нашем Фрунзенском районе долгое время действовала шайка, состоящая из сотрудников милиции, которая угнала машины и избивала людей. Вот нам и защитники!

— Вернее, однако, Виктор Сергеевич, к вопросу о преступности подростков.

— Это вопрос сложный, но в основе его — все та же лживость и лицемерие, о чем мы с вами уже говорили. У меня есть «домашняя» теория о том, что константа (то есть постоянная величина) зла и добра в мире одинакова всегда. И она перемещается во времени. Во время войны, например, люди жались друг к другу и были добрее. А сейчас над нами безоблачное небо, нет войны, казалось бы, радуйся солнцу, свету, а зло тем не менее рассредоточивается, отсюда возникают не только внутренние, но и международные явления, такие, как терроризм — угрозы самолетов, захват автобусов с детьми, заложников и т. д. Константа зла остается постоянной и рассредоточивается. Иногда говорят, что террористы — это люди, доведенные до отчаяния. Но человек, доведенный до отчаяния, убивает себя.

— Не влиять ли, на ваш взгляд, фильм, книга, спектакль, где зрелище и ярко показано зло, на общественную нравственность?

— Во многом — да. Возьмем, к примеру, современную музыку — рок, тяжелый металл и т. д. Я в этом плохо разбираюсь, это не моя музыка. Она кажется мне вычурной. Каждое поколение поет свои песни, танцует свои танцы. Но все-таки при всем при том в сердце искусство — свет, что в некоторых явлениях современного искусства отсутствует. Слишком уж много в последнее время появилось «чернухи». Нет, нет, я вовсе не призываю и возвращу «лакировки действительности», которая сейчас, как ее ни «лакируют», остается чрезвычайно тяжелой, но все же утверждаю, что произведение, в котором нет света, даже если оно, как это ни парадоксально, изображает ужас, трагедию, вызывает только чувство страха, подавленности или еще того хуже — желание подражать злодею, то это не искусство. Даже если небо в тучах, искусство должно чувствовать и показывать, что за тучей — солнце. Если этого не чувствуется, то для меня это не искусство, а лишь самовыражение каких-либо своих собственных чувств — подавленности, неудовлетворенности жизнью, отчаяния, злобы, если нет этого света. Уверен, что искусство — это свет!

— Почему в жизни сейчас сплошные конфликты — везде и во всем — начиная с глобальных проблем и кончая личными?

— Время какое-то злое! Возьмем выступление народных депутатов на Съезде: они чуть не передрались! Кричали друг на друга! И мне пришла в голову такая мысль: когда болен какой-то орган человека — рука, нога, печень — это, конечно, очень плохо. Но когда болен мозг — болен весь организм. Верховный Совет, депутаты — это мозг страны. То, что я видел, — это вселенные мозгал! Они не говорили аргументированно, взвешенно, глубоко, старались понять явление, объяснить его, предложить путь к решению проблемы, а кричали, ругались.

— Что же делать?

— Это медленный, мучительный путь! Он требует выдержки. Мне нравится процесс, который сейчас идет, необходимый терпение. Если не оправдятся доверие и перестройка, может произойти катастрофа, возобладает какое-то дикое, неуправляемое, и человек, как бывает иногда в неблагоприятных семьях, в ослеплении начнет крушить, ломать все, что подвернется под руку. Я боюсь, чтобы не произошло нечто подобное, чтобы мы не потеряли последнюю надежду.

— О культуре общества судят еще и по тому, как оно относится к старикам, людям преклонного возраста, наконец, и инвалидам войны, ветеранам.

— Люди устали! Я приведу вам личный пример. Вот я инвалид войны. Мне много лет. У меня есть красная книжечка, разрешающая мне без очереди купить что-то элементарное в магазине, сделать почтовое отправление, уехать за квартиру и т. д. Я пользуюсь этим очень редко. Потому что мне жалко людей, стоящих в очереди. Сначала я окидываю взглядом очередь, и если стоят молодые люди, я показываю удостоверение, у очереди попросту разрешения купить что-то, не очень дефицитное. Но стараюсь этим не пользоваться.

— У нас открыли магазин «Ветеран», на углу улиц Успенская и Чернышевского. Как-то я купил там рубашку, она оказалась мне не по размеру, и я решил ее обменять. Но сначала попросил примерить другую сорочку. Вы бы слышали, с каким острейшим наброском на меня продавщица! Как будто я эту рубашку зажал! Я просто не мог вспомнить, вынужден был сделать запись в книге предложений о том, что к ним в магазин заходить противно. И с тех пор я туда ни ногой... В этом выразилась моя протест. Люди устали от быта, от очередей, от всех тягот и трудностей. При таких обстоятельствах нечего требовать от них доброты.

— А если обстоятельства изменятся в лучшую сторону?

— Помогает народ! Если бы домыслил магазин от товаров, у нас конфликтов бы намного побавилось. Сытый человек добрее все время голодного, если, конечно, у него нет какого-то несчастья...

— А если вы считаете каки — злыми или добрыми?

— Как и в любом человеке, во мне ужинаются разные качества, порой самые неожиданные даже для меня самого. Например, злость. Не злота, а именно злость. Простит, скажите, а вы могли бы назвать хоть одного доброго, без всяких оговорок, человека?

— Ну, мать Тереза, например... У меня отношения с богом довольно сложные... «Верь в пень, и пень спасет», — говорится в народе. Скажите, что я верующий — в традиционном смысле, я не могу, но в то же время я не считаю, что отрезок времени, который я проживаю до рождения до смерти в этой жизни, — тот единственный, в котором существует мое я. У меня есть ощущение, не вера даже, а ощущение, что есть какое-то другое измерение... В каких качествах — понятия не имею. Но что как материя вечна и не исчезает, так и я не исчезаю, просто модифицируюсь в какую-то другую сущность. В Польше мне когда-то говорили, даже партийные работники, что верующие люди лучше работают, не прогуливают, не пьянствуют и т. д. Это очевидно заметили в давние времена и русские люди, хотя они грешили немало. Идеализировать религиозного человека не хочу. Я — за свободу вероисповедания, но не признаю религию, пропагандирующую насильствие, как и любую идеологию, основанную на насилии.

— Мне кажется, что вы противоречите себе — ведь только говорили о насилии, призвали объявить войну преступникам...

Фото К. Корнеяева и Б. Кремера.

ФЕЛЬЕТОН

Снимите с сапог котурны

ОДНАКО много времени мне понадобилось, чтобы понять, что Сталин был и смешным, и вождем, и учителем, и отцом родным. Последнее тоже воспринималось вполне серьезно. Даже родственники, которые хорошо знали моего папу.

Сталин вообще мало в чем себе отказывал. Он был по-прежнему аскет. Кем он только мне не доводился: и вождем, и учителем, и отцом родным. Последнее тоже воспринималось вполне серьезно. Даже родственники, которые хорошо знали моего папу.

Если на все это посмотреть в какой-нибудь театральный бинокль, да еще с какой-нибудь Альфы Центера, да еще лететь через пелюшки... Комедия, конечно, смешно. А нам это пока не смешно. Зловещий трубадур у самого себя, космический одинокий человек, умерший раньше своей смерти.

Странно сказать, но мне иногда становится его жалко — такая человеческая судьба. Одно горло больше мне жалко нас, себя. Я хочу смеяться над той комедией. А смейся.

Но силы надо найти. Чтобы слезать флер и проступил мрак. Как и многим необразованным людям, товарищу Сталину в отличие от Секрета жалко, что он знает, что все знает. И это недоумение сильно сказывалось на разном образе его увлечений. Говорю, о котором он в своем «Экономическом» проблемном социализме в СССР» сказал: «Такой несуществующий тарарачицы не разводит у нас ни один сивухинский марксист».

Как вы помните, любого из этих слов было достаточно, чтобы тогда, в 1951 году, пишиться жини.

И вдруг недавно из одного почтового издания узнаю, что Лука Данилович здравствует. И даже прочитал очень интересный с ним разговор. Не позволю себе задремать ваше внимание на фрагменте, на небольшом сюжете про то, как все это было. Нет, все-таки товарищ Сталин умел быть смеющимися.

На дискуссии по поводу нового учебника «Политическая экономика», как принято, Л. Д. Ярошенко пригласили. А И. В. Сталин сам пришел. Л. Д. Ярошенко закончил дав институт. А И. В. Сталину учиться было некогда, он сам все учил.

И пока Иосиф Виссарионович мудро молчит, Лука Данилович вдруг заежился, что «вступление и учебнику антинаучное. Возможно, он просто не знал, что учебник согласован с товарищем Сталиным. А товарищ Сталин это знал. Вы думаете, товарищ Сталин стал топтать сапогами и кричать: «А ты кто такой?» А вот и нет! Товарищ Сталин пошел к себе в кабинет и встал в свою кингу товарища Ярошенко. Книгу тут же издали и раздали участникам дискуссии.

И все 300 участников немедленно перестали здороваться с Лукой Даниловичем. Он стал неприятен. Зафиксировав заявку сюжета. Научный работник всего лишь заглянул на совещание и всего лишь сказал, что ему не очень нравится выступление к учебнику... Зафиксировали! Пошли дальше.

Начало все было даже хорошо. Независимо, по Чьему прихвату, но Н. С. Хрущев и Е. А. Фурцевая, видимо, пригласили Ярошенко и сообщили, что, пожалуй, вызвана ему объявление. Лука Данилович и удивился не успев — за что не будут? Его тут же отправили, как было сказано, на трудовую фронт в Сибирь.

А для Луки Даниловича Сибирь — вовсе не трудовая фронт, а отчий край, где он крестьянствовал и командовал партизанским отрядом.

Ну, прибыл он на фронт. И вдруг через неделю весточки из Москвы. «Объявляю вам строгий выговор с предупреждением. Видно, кто-то остался недоволен манерой работы Н. С. Хрущева и Е. А. Фурцевой».

Еще больше удивился Лука Данилович и стал думать — как быть? И придумал. Послал из Сибири протест в Москву с просьбой разобраться.

Ну, если человек сам просят... Вызывают его в Москву. А там за длинным столом уже ждут Хрущев, Маленков, Пегов, Шкрятов, Шапелло. Сталин, видимо, решил, что книгу не писал. Посушил Лука Данилович научными бумагами и изготовил с умственным дебатам насчет выступления и учебнику. Но замечает, что «коплет сплошная ругань». А он, значить, с дискуссионный приехал. Например, к Шкрятову. Был, если не позыблил, такой Шкрятов. Наделов то. Шкрятову ругаться, и он догматически говорит: «Ничто с тобой, негодяй, по существу разговаривать не будет. Хахати! Нам обидеть пора...»

И все пошло обидать. А Лука Данилович опять оказался все еще только в Сибирь.

Но тут о нем вспомнил товарищ Ворошилов, и, видимо, больше всех других обидевшись за товарища Сталина, вошел с предложением. И товарищ Сталин правильно понял своего боевого соратника: «Ну что за словачка такая! Арестовать его!»

И стал опять Лука Данилович и дискуссии готовиться. Однако уже в одиночку на Лубянке. Но и тут, оказалось, и дискуссии никто не предрасположен. Зато всем не терпится узнать: «Сознавайся, негодяй, в своей вражеской деятельности! Ну, слово соговорился, везде одно и то же слышали — и на Лубянке, и в Лифортве, и в Бутырки. А это все про ступление и учебнику. Утомил следователей, как солений огурец без ничего.

Но тут, надо сказать, следователем позволил. Выпихнул он Луку Даниловича из помещения на улицу, приговаривая: «Товарищ Сталин умер. Вы свободны».

Более злопыхательной фразы мне в жизни не встречалось. Такую фразу надо бы Юрию Левитану по радио объявить: «Товарищ Сталин умер! Вы свободны!».

И отправился Ярошенко на свободу. И прямо к Хрущеву и Фурцевой. В тот-то раз не удалось про ступление и «Политической экономии» потолок... Правда, и в этот раз не удалось.

Тогда Лука Данилович (как не понять мигрень тех следователей!) пишет письмо в Президиум ЦК о некоммунистическом отношении Сталина к партии и народу.

И вот, наконец, Лука Данилович, хотя бы заочно, удалось кое-что передать товарищу Сталину. Это письмо процитировал в своем докладе на Пленуме ЦК, а потом и на XX съезде партии Н. С. Хрущев.

Ну тут вы, дорогие читатели, обязательно вздохните и начекайтесь у Луки Даниловича совершенно новой жизни. Что, возможно, показалось и Луке Даниловичу. Тем более «после тюрьмы меня устроили на работу в ЦСУ».

Нет, с Лукой Даниловичем не соскучился. Он выступил на собрании в этом самом ЦСУ на два моего письма, раз его цитировал Хрущев.

У вас уже были возможности поработать переплетчиком в жизни Л. Д. Ярошенко. Но сейчас вы поразитесь омоничально. Видно, в ЦСУ ничего не слышали о XX съезде... и исключили Луку Даниловича из партии.

И вот тут я уже захохотал. Впрочем, терпеть не могу зерный смех. Он ведь всегда позоздаль.

После XXII съезда Луку Даниловича Ярошенко восстановили в партии. Но на собраниях я уже выступать перестал.

С 1956 год красный партизан, образованный умный человек на пенсию в 80 рублей. Спасибо товарищу Сталину. Если бы он, то и этого не видел Лука Данилович.

Все-таки довольно категоричным был корифей. Не пригласили Ярошенко несколько бумажиных страничек, и пожелайте на все круги ада.

Вам не нравится, что всю эту постыдную историю в зложили в рамках фельетона? А в каки вы еще! Нет уж, позвольте высказать истинный, неважестивный мучительный. И пусть хоть это будет моим выстраданным изменением за все перед честным, мужественным человеком. И, благодарение судьбе, выжишим.

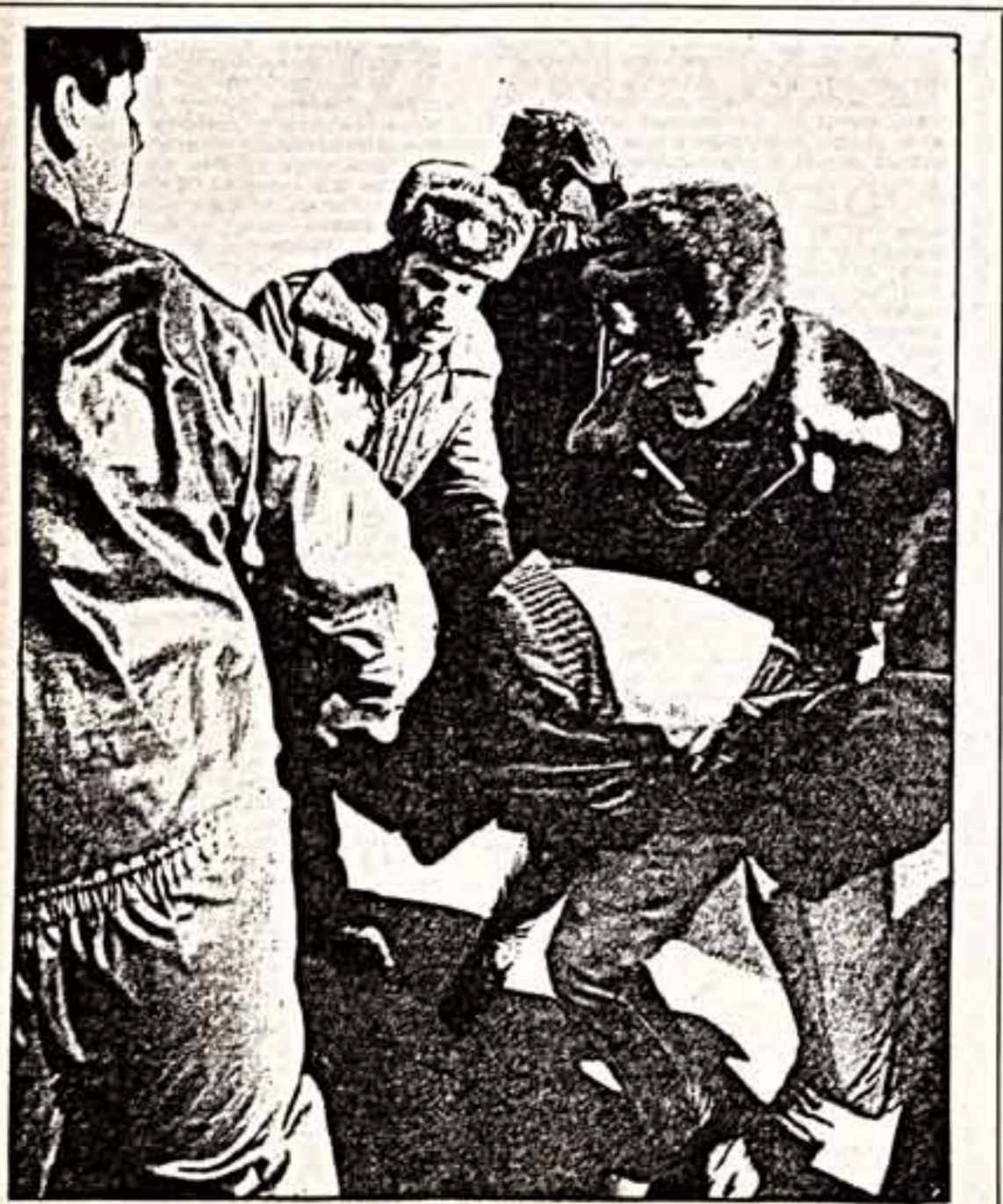
Мне тоже не чужды злопыхательные размышления. Но мыслим глубокоосмысленно корифей над преступной жизнью Иосифа Сталина. Мы все лжируем! Надо ли было ему на корню изобрести преступность? Мы копаемся в архивах, чтобы точно установить, на какой именно день войны он олеимался. Мы статистически подсчитываем: сколько десятков миллионов людей, его уничтожили! Мы стацили его с пьедестала, но мы забыли стацить его с котурн. Дескать, очень великий был человек, но допустил ошибки. Господи, ошибки!

Я не против научного осмысления, и сожаления, вздох по поводу, но, наконец, понять, что на безмерную трагедию наш многогранный народ обрели не корифей всех времён и народов, а сговорившаяся шайка его Властина Сатана. Распознавались на глазах у Истории провинциальные тираны. Комедянты, прерватные жизни в фарс.

Все это было бы смешно... В сказав палец всегда смешишь. Кроме тех случаев, когда сами же палец уверяют, что все это сказочное. А мы верят.

Снимите с сапог Сталина котурны.

Э. ГРАФОВ.

Беседа у Валентина ЖЕГИС.

СОАВТОР УСПЕХА

Малозаметный, похожий на мальчика 42-летний продюсер Камерон Макинтош обладает поразительной способностью создавать превосходные мюзиклы...

Сцены из «Мета-хита» Камерона Макинтоша: «Призраки оперы», «Кошки», «Отверженные».

Мастер «Мета-хита»

В ЧЕМ ЖЕ секрет непрекращающегося успеха Макинтоша? Поэт и композитор Стефен Сондхейм считает его плодом долгой любви к театру...

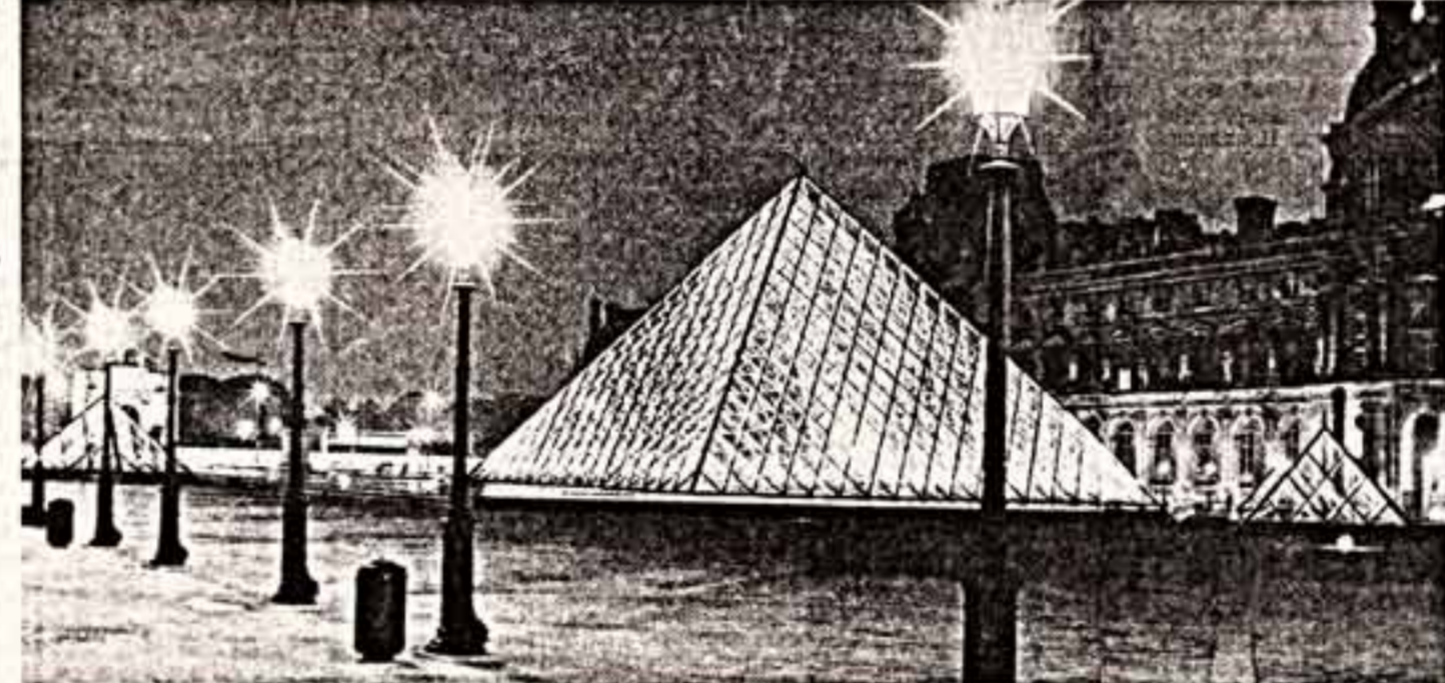
Низколетний, но во всех странах, где шли «Кошки» и «Отверженные», артисты регистрировали так, словно сюжеты этих шоу были заимствованы из их национальной культуры...

Либретто к «Отверженным», написанное Бубблом на музыку Н.-М. Шонберга. Шоу, уже поставленное к тому времени во Франции, пользовалось там весьма скромным успехом...

ПАРИЖ

СТОЛИЦА Франции является основным местом всемирных перестроек, часто изменяющих лицо города... Париж — это подражает превращению крытого скотного рынка постройки XIX века...

Вот она, ныне уже знаменитая луврская пирамида архитектора Пея.

Когда французские президенты хотят, чтобы народ их запомнил, они строят. Вся Франция покрыта памятниками архитектуры XVII—XVIII веков...

СУДЬБЫ ШЕДЕВРОВ

стоящая из 240 панелей, представляющая собой стальные каркасы, залитые стеклом. Стальные круги и розетки, повторяющиеся в каждой панели...

МИТТЕРАНА

портю. Арка символизирует единство государственной власти и мощи корпорации... Администрация Миттерана не желает прославиться зверствами, подобными разрушению «Чрева Парижа»...

По материалам журналов «Тайм» и «Ньюсвик» полосу подготовил Александр Ветровиц.

ПРИНАДЛЕЖИТ ЛИ ИСКУССТВО НАРОДУ?

ПОЧЕМУ наши музеи ведут свои выставки за рубежом, а не по территории России? Что это — сознательная политика пренебрежения к советским зрителям, непрофессионализм и неохота до искусства? Или же тут какие-то другие причины? Пусть на это мне ответит сам музейный работник. Мы говорим сейчас все правду народу. Я хочу такую правду услышать от компетентного человека.

И вот что меня волнует особенно. В вашей газете под рубрикой «Автопортрет зрителя» выступил социолог Д. Дондурей и рассуждал на тему «Принадлежит ли искусство народу», приводит факты и цифры, доказывающие ценность теневого лозунга. Меня поразил цифра: 93 проц. из музейных художественных ценностей от народа спрятано в запасниках! Отчего же все это богатство скрывается от потребителей? А мы хотим сегодня видеть все! И «тронуть», и передвинуть, и все советское искусство без муров. Все! Не надо никакого отбора, потому что люди потеряли веру в то, что этот отбор будет правильным или что им будут заниматься только честные и знающие люди.

Мне кажется, прав Тимошенко, на письмо которого отвечает Дондурей, что надо наконец на этом году перестроить предпринять что-то радикальное для того, чтобы лозунг «Искусство принадлежит народу» стал реальной политикой в области культуры. Почему, например, не открыть запасники и сделать их всеобщим достоянием? Это — раз. И почему, если скажут, что крупные столичные музеи так тесны для показа своих запасов, не устроить выставки-передвижки по городам страны? Это два. И третья: часть запасов распределить по музейной периферии! Я не говорю — все. А часть, не шедевры — понимаю, что без них крупные музеи превратятся в музеи, это глупое предложение. Но в нем вижу другого способа доставки искусство до народа.

Т. АЛЕКСЕЕВА, Харьковская область.

МЫ ХОТИМ СЕГОДНЯ...

ПОСЛЕ спектакля «Крутой маршрут» по роману Евг. Гинзбург овации не умолкали. Люди кричали «Браво», «Спасибо», кто-то плакал, кто-то сидел с опущенной головой, не имея сил подняться. А создатель спектакля, человек, вложивший в него весь свой режиссерский дар, интуицию, умение, — стоял в дверях зрительного зала на уровне девятого ряда и внимательно смотрел на то, что на сцену. Это была Галина Волчек. Воодушевленная в ней не было, только озабоченность, и она, не выходя из аллюдов, молча повернулась и ушла к себе.

Мне помнится время, когда Галина Волчек еще не была ни народной артисткой СССР, ни главным режиссером... Отвечая 30-х, Савелин зашел в искусство литература. Новым ваянием. На этой волне и родился «Современник», начинавшийся как студия в апреле 1956 года, тогда на учебной сцене Школы-студии МХАТа впервые сыграл пьесу В. Розова «Вечно живые» в постановке Олега Ефремова. В те годы Галина Волчек была одной из самых близких его помощников. Она вышла на сцену в первом спектакле театра в роли Норки-хлебобарки. «Не знаю, что имел в виду Станиславский, когда говорил о том, что гротеск есть высшая форма искусства, но думаю, что если бы он увидел Г. Волчек в роли Норки-хлебобарки, то сказал бы: вот это то самое...» писал когда-то критик А. Анастасов. Но Галина Волчек довольно равнодушно относилась к своим личным актерским успехам, ей было гораздо важнее, что «Современник» получил общественное признание. Это качество с годами не исчезло. Она и сегодня почти болезненно относится к тому, что ее имя, вместо того чтобы служить стимулом для творчества, становится предметом сплетен и интриг. После того, как ушел его основатель Олег Ефремов.

Следом за Ефремовым со МХАТ потонули актеры «Современника». Каждый день приходило новое: ушел Евгений Удальцов, ушел Мелкос, с трезвой идеей — что следующий в театре начался раздор, оставшиеся в нем основатели решили составить коллективную руководство, но из этого ничего не вышло. В 1972 году во главе «Современника» встала Галина Волчек. Казалось бы, что тут такого? Режиссерский опыт уже был, мало того, спектакли постановленные Г. Волчек в «революционный период» — «Двое на качелях» У. Гибсона, «Обыкновенная история» И. Гончарова, «Не день» М. Горького, — пользовались успехом, по праву вошли в историю «Современника» как крупнейшие его достижения. Но одно дело ставить спектакли, другое — руководить театром. Теперь, спустя семнадцать лет после того, как Галина Волчек стала главным режиссером, можно сказать, что она совершила своего рода подвиг, сохранив «Современник». Этому помог характер. Знала, что она начала еще в юности. Научилась отменять все малое, ненужное. Позже оберегла себя от вседознания, выкинула молодых таланты, учила не усваивать на свои режиссерские приемы, а культуру «Современника». С годами трезвый взгляд помог разнотью режиссерского дарования. Она умеет распознать любую житейскую коллизию, не позволяет иллюзиям родиться в душе и не боится жизни. О ней можно сказать, что она человек ершистый, прямой, привыкший смотреть глаза в глаза и есть в ней удивительное умение быть благодарной, ответственной, обязательной. За годы своего руководства она успела махнуть себе немало врагов и порой излишне обострившись махнула ей недружелюбные критические стрелы. Но личный шрам Волчек легко снимает недружелюбие, если к ней стучатся с ней лицом и сердцем, и она немедленно изменяет отношение к личности.

ПРИТЯЖЕНИЕ «СОВРЕМЕНИКА»

«Современник» театр показал «Валентина и Валентина». Режиссеры были молодой, начинающий тогда В. Фокин, реализовавший свой замысел при помощи и поддержке Г. Волчек. Одной из значительных ее режиссерских работ последнего времени стала постановка пьесы А. Галина «Звезды на утреннем небе». Галин, пожалуй, один из самых талантливых его современников, сразу отдал пьесу в «Современник», но премьеры ее прошла сначала в Ленинграде, в Малом драматическом, вышедшем на авансцену с приходом Л. Додкина. Москвичи увидели «Звезды» впервые во время гастролей ленинградского театра. Превосходно написанная, в лучших традициях коммерческого театра, с выигранным ролями, тонко поставленная Л. Додкиным, пьеса громко прозвучала в Москве. Казалось бы, «Современнику» не следовало выступать в соревновании, тем более что театр по-прежнему «покусывала» критика, и даже близкие друзья театра упрямлялись его за то, что «он потерял свое лицо». Но Волчек — человек сильный, и неоднородные эстетические inclination последнего лет не ослепили ее. Она вынесла из зрительского суда «Звезды на утреннем небе», поставила пьесу широко, резко, обняв социальную подоплеку жизни своего поколения, и подчинила себе зал, восторгившись аплодирующий исполнителем, особенно Галина Петровна, Марине Неволовой и Марине Хазовой.

Следующий постановкой был «Крутой маршрут». Сколько было голосов, что тема 1937 года исчерпана, что все уже сказано и больше нечего сказать, писать, снимать пьесы, фильмы о страшных годах сталинского репрессий. Но Волчек важно, что на фронте театра написано — «Современник». Такой театр не должен и не может оставаться в стороне, он обязан высказаться.

«Крутой маршрут» — это не устающее лицо, когда вьюк, как она, отвлеченная от дал театра, все равно все полна им, пытаясь как и прежде сохранить принцип студийности и решать все творческие вопросы вместе с коллективом. Голос ее со своим художественным советом, и трудно руководить, но и то, как все получилось, что Галина Волчек живет, не подпуская идеальную «Современника».

Затра она снова придет в театр и снова будет спорить, будет спорить, бесконечные разговоры, что все не клеится, что надо искать новую пьесу, ту, которую отвечала бы традиция театра. И только внутренняя уверенность будет доносить до ее кабинета аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала.

«Звезды на утреннем небе» — это не устающее лицо, когда вьюк, как она, отвлеченная от дал театра, все равно все полна им, пытаясь как и прежде сохранить принцип студийности и решать все творческие вопросы вместе с коллективом. Голос ее со своим художественным советом, и трудно руководить, но и то, как все получилось, что Галина Волчек живет, не подпуская идеальную «Современника».

Затра она снова придет в театр и снова будет спорить, будет спорить, бесконечные разговоры, что все не клеится, что надо искать новую пьесу, ту, которую отвечала бы традиция театра. И только внутренняя уверенность будет доносить до ее кабинета аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала.

«Звезды на утреннем небе» — это не устающее лицо, когда вьюк, как она, отвлеченная от дал театра, все равно все полна им, пытаясь как и прежде сохранить принцип студийности и решать все творческие вопросы вместе с коллективом. Голос ее со своим художественным советом, и трудно руководить, но и то, как все получилось, что Галина Волчек живет, не подпуская идеальную «Современника».

Затра она снова придет в театр и снова будет спорить, будет спорить, бесконечные разговоры, что все не клеится, что надо искать новую пьесу, ту, которую отвечала бы традиция театра. И только внутренняя уверенность будет доносить до ее кабинета аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала, аллюдов зрительного зала.

Многие читатели, как мы и надеялись, пролегли «Принадлежит ли искусство народу» под новой рубрикой «Автопортрет зрителя». 30 сентября сего года, задела за живое. Сегодня мы возобновили разговор о том, как же привнести художественное достояние к народу. В дискуссии участвует участница Всесоюзного музейного объединения «Государственная Третьяковская галерея», кандидат искусствоведения Алексей Лебедев.

ЛЕГЕНДА О СКУПОМ РЫЦАРЕ

В годы сталинизма, восток, конечно, лозунг «Искусство принадлежит народу» был циклично измучен, и как эмкался Давид Дондурей в своей статье 30 сентября, «обедному народу искусство принадлежит не может». Все это верно. Но мы живем теперь идеями перестройки. Как же начать ее осуществлять в области художественного искусства? Мы же знаем, как читателям, с коллегиями «Автопортрет зрителя».

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН?

ИНТЕРЕСНО задаться вопросом: каким представляется себе музейного работника миллионы жителей нашей страны? Широко известно, что всякий музей, кроме открытой, общедоступной части, именуемой экспозицией, имеет запасники. Как складные размещенный над этим бесспорным фактом в сознании большинства тех возникает представление о некоем «заповеднике», где хранятся произведения, которые показываются всем (и их, конечно, меньше), по другой располагается что-то вроде святилища или алтаря, доступ куда открыт лишь узкому кругу посвященных. Здесь-то, по мнению многих любителей искусства, и находится главный музейный богатство.

О тех, кто работает в этом хранилище сокровищ и тайн, думают по-разному. Одним музейный работник представляется в виде благообразного, несколько чудачьего старичка-хранителя, укрывающего народное достояние от злых и невежественных людей — чиновников, продающих произведения за границу, разного рода функционеров и хозяйственников, уничтожающих памятники архитектуры и искусства. Перед умственным взором других встает образ эдакого скупого рыцаря, дрожащего над скуподом с сокровищами, или хуже того, что-то вроде продавца, приносящего товар под прилавком. При всем кажущемся различии этих взглядов они оба зиждутся на едином представлении о том, что главная работа музея и их сотрудников — это прятать, скрывать, хранить от глаз непосвященных. И так далее, нельзя не признать, что реальное основание для такого представления вплоть до последнего времени были. На протяжении десятилетий экспозиция всех наших музеев показывала отечественное искусство XX века в тенденциозном и искаженном виде. То, что посетители видели в экспозициях, имело приблизительно такое же отношение к реальности, как знаменитый «Крутой маршрут истории партии» в подлинной истории партии. Другое дело, что виноваты в этом были отнюдь не музейные работники.

Все это не могло не принести своим горьких плодов. Каждый посетитель музея, мало-мальски знакомый с историей искусства, задавался резонным вопросом, почему в тех залах, где могли бы, скажем, висеть произведения К. Малевича или П. Филонова, ему показывали полотна А. Герасимова и В. Ефанова? Возникало ощущение обмана, подлога. Конечно, сказанное в значительной степени относилось к искусству старых мастеров. Холсты Репина и Сурикова никогда не прятали (хотя в 1930-е годы некоторые «прогрессисты» предлагали и такое). Но кто поверит единому солгашкему?

«ВСЕ ПОДЕЛИТЬ!»

И вот неожиданный результат: сегодня, в эпоху гласности, все чаще радуются призывам и ликвидации музейных запасников. Нередко приходится слышать от зрителей рассуждения такого рода: «Музейные фонды — это мертвый капитал. Все, что находится в запасниках, надо разделить на передние выставки и постоянно возить по стране». Или еще радикальнее: «Москва и так крупнейший культурный центр. Здесь всего полно: театров, выставок, концертных залов. Одним художественным музеем около 30. А у нас в городе из одного нет. Надо нашу Третьяковку, которая и показать то может только крошечную часть своих сокровищ, раздать по городам страны в музейном виде. Вот тогда действительно искусство будет принадлежать народу!» Что ж, как говорится, попробуем спокойно разобраться.

Прежде чем перейти к разговору об этих противоречивых вопросах, позволю себе не далеко обратиться к событиям русской истории XVIII века. «Государия всея Руси», императрица Екатерина II состояла в своеобразной дружбе с великим французским философом Дени Дидро. Долгие годы они вели переписку, а в 1773—1774 годы знаменитый посетитель даже приехал в Россию, чтобы лично познакомиться с Екатериной. Желая всецело обласкать философа, императрица купила его личную библиотеку, назначив самого Дидро ее пожизненным хранителем. Дидро не только в Великую французскую революцию, но и в годы которой была объявлена испуганные веры всех европейских монархий. Трудно передать, сколь сильно был гнет Екатерины, справедливо усмотревшей в просидевшем пример практической реализации идей некогда опасавшего ее мыслителя. Тогда своеобразная государия решила отомстить покровителю философа, отомстить тоном и юрисдикцией. Екатерина издала указ об уничтожении библиотеки Дидро. Подчеркнуто — не книг, ее составляющих, а самой библиотеки как единого целого. Книжки сохранились, но они растворились в огромном императорском собрании. Они и по сей день находятся среди сотен тысяч других томов в Библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, но акт вандализма свершился: нам не известен точный состав библиотеки Дидро, не подоб, а ведь уникальная памятник истории и культуры, созданный руками одного из лучших умов своей эпохи.

ский акт. И надо признать, что в этом вопросе дело не ограничивалось теоретическими спорами, мы действовали, и действовали решительно.

Октябрь 1917 года превратил все значительные художественные собрания в общенародное достояние. Были национализированы императорские и крупные частные коллекции, музеи ведомств, губерний и городов (напомним, что Третьяковская галерея принадлежала в то время городу Москве). Отдельные коллекции как бы перестали существовать, они вошли в единый Государственный музейный фонд (ГМФ). Ну что ж, по замыслу все правильно и разумно: лозунг «Искусство принадлежит народу» начал воплощаться в жизнь. Однако, как и во многих других сферах, было решено, что народу (включая сюда и художников, и историков искусства, и музейных работников) не обойтись в этом сложном и тонком деле без повелителя и наставника в лице аппарата.

На первых порах главной функцией ГМФ было сохранение национализированных сокровищ. В гигантские хранилища свозились брошенные бывшими владельцами и конфискованные произведения, определялась их ценность, менее интересные продавались, более значительные распределялись по музеям. Понятие художественной ценности исторично, и сегодня, возможно, на многое из того, что было продано, а затем затерялось, исчезло, ушло за границу, смотрели бы другими глазами. Но не будем судить одну эпоху по законам другой. Хуже было иное: чем дальше, тем больше государственный аппарат стал перераспределять произведения. Появлялись и исчезали музеи, распылялись некогда тщательно и любовно созданные коллекции, нам бездомные дети, картины начали кочевать из города в город. Огромная историко-культурная ценность подборки произведений в каждом собрании не принималась в расчет. Грошею шариковое «Все поделить!» нависло над отечественной культурой. Особенно тяжелые потери понесла музей в 30—40-е годы. В это время, кроме продолжавшегося перераспределения, их коллекции начали «чистить», освобождать от идеологически чуждого. И, конечно, главный удар пришелся по русскому искусству XX века, по авангарду. Правы, ах, как правы, были составители «Положения о государственной галерее П. и С. Третьяковской» 1934 года, где отдельным пунктом было записано: «Ни одно из произведений искусства, находящихся ныне в галерее и имеющих туда поступить, не должно быть вынесено из помещений галереи для каких бы то ни было целей, кроме нужд реставрации». Об этом золотом музейном правиле предложили забыть. Перераспределение, хотя и не в столь катастрофических масштабах, продолжается и поныне. И сегодня существует ГМФ, и сегодня музеи не только не владеют произведениями, но и не решают их судьбу. Музеи только хранят то, что им поручило хранить государство.

Нельзя не согласиться с тем, кто говорит о необходимости существования художественного музея в каждом крупном городе. Музею нужно создавать, но делать это, не разрушая уже существующего, а такая возможность есть. Можно закупать произведения у частных владельцев, у наследников художников, наконец, у самих мастеров (когда речь идет о ныне живущих). Да, это требует затрат и немалых. Делать всегда проще. Но кажется, уже во многих областях мы на горьком опыте приходим к убеждению, что движение вперед возможно только в том случае, если нашей главной заботой станет не дележка общего, а создание своего.

Один из ведущих современных социологов культуры Д. Дондурей в статье «Принадлежит ли искусство народу?» («Советская культура», 1989 г., 30 сентября) пишет о том, что большая часть произведений, хранящихся в наших музеях, находится в запасниках. И называет цифру, производящую сильное впечатление. — 93%! Могут подтвердить: в Третьяковской галерее перед закрытием ее главного здания на реконструкцию соотношение между запасом и экспозицией было приблизительно 12:1. Более того, даже размеры экспозиции и в Лаврушинском переулке, и на Крымском валу, галерея вряд ли сможет одновременно демонстрировать свыше одной пятой своего собрания. А теперь давайте с диафрагмой в руках решим — много это или мало?

НЕЗРИМАЯ СТЕНА

Чтобы правильно ответить на поставленный вопрос, будем восточно иметь в виду, что всякий музей решает триединую задачу, кратко определив ее словами: сохранить, изучить, показать. На сегодняшний день 70% собрания Третьяковской галереи составляют произведения графики, которые вообще нельзя выставить в постоянной экспозиции. Бумага имеет свойство выгорать на свету, и если поместить графику в условия постоянной освещенности, она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет.

Чтобы правильно ответить на поставленный вопрос, будем восточно иметь в виду, что всякий музей решает триединую задачу, кратко определив ее словами: сохранить, изучить, показать. На сегодняшний день 70% собрания Третьяковской галереи составляют произведения графики, которые вообще нельзя выставить в постоянной экспозиции. Бумага имеет свойство выгорать на свету, и если поместить графику в условия постоянной освещенности, она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет. Након же она не проживет и нескольких лет.

возможность. Третьяковская галерея располагает фондом факсимильных репродукций с графических произведений русских художников.

Что же касается остальных 30% собрания галереи, то в них около двух третей приходится на долю живописи (включая сюда и коллекцию икон), а остальное на другие виды искусства (скульптуру, декоративно-прикладное, мебель и т. д.). Можно было бы рассказать о каждом из них, но и позволю себе ограничиться живописью, ибо именно ее судьбой обычно интересуются в первую очередь.

Я неоднократно сталкивался с тем, что многие посетители музеев воспринимают слова «картина» и «произведение живописи» как синонимы, не делают различия между этими понятиями. На самом же деле произведение живописи является любой работой, выполненная масляными красками на холсте, — это может быть и картина, и этюд, и эскиз, и набросок. Эту, как его часто называют, «отходный материал», занимает заметное место в коллекциях всех музеев. Надо сказать, что этюды не всегда имеют самостоятельную художественную ценность, зачастую они закупаются в научных целях (напомним: одна из трех задач музейными ставшими живописи, в просторечии именуемыми картинками, все тоже обстоит по-разному. Отнюдь не все они, даже в собрании Третьяковской галереи, являются шедеврами. Есть среди них и работы «второго ряда», и, наконец, произведения, имеющие не столько художественную, сколько научную ценность (например, еще робкие, ученические работы выдающихся в будущем мастеров или полотна их менее талантливых современников). В наши дни, когда художественный рынок уже изрядно оскудел, искусство такого рода составляет большую часть в закупках любого музея. Покупать эти произведения необходимо. Они создают контекст, фон, на котором еще более ярко начинают сиять подлинники-шедевры. А кроме того, знают, какие сюжеты преподносит нам в будущем эволюция художественного вкуса? Может быть, на многое из того, что сегодня представляется нам второстепенным, потомки посмотрят по-иному.

Неверно было бы считать, что эти «вторичные» произведения доступны лишь специалистам и только ждут своего неведомо когда придущего часа. Здесь мы подходим к еще одному широкому распространению, но ошибочно представлению о «стене», разделяющей запасники и экспозицию. Внимательный зритель наверняка обращал внимание, что «постоянная экспозиция» в музеях тоже непостоянна. На своих местах, как правило, все время находится только шедевры (конечно, и их время от времени забирают для пропагандистской реставрации или на выставки, но это происходит сравнительно редко). А вот «второй ряд» находится в движении: одни работы постоянно сменяются другими. Их и нельзя выставить сразу, иначе нарушится пропорция: подлинные жемчужины затеряются в потоке искусства среднего уровня, ищите объективную картину художественного процесса, ибо искусство каждой эпохи отожествляется нами в первую очередь с ее лучшими достижениями. А уж если мы хотим увидеть искусство того или иного мастера, школы, направления в максимально полном объеме, для этой цели музеи постоянно формируют разнообразные выставки.

Подводя итоги, возмуж на себя смелость утверждать: если крупный музей показывает в основной экспозиции от 10 до 20% своих фондов — это нормально, здоровая ситуация.

ИСКУССТВО НАВЫНОС

Из сказанного становится понятным, почему большие музеи, например, та же Третьяковская галерея, ограничены в возможностях организации передвижных выставок. Ведь возить приходится все ту же живопись (графику и иконопись слишком капризны и изменчивы температурно-влажностного режима, скульптура тяжелая и транспортировка ее, скажем, дело не только в этом. Приходится слышать упреки, что центральные музеи охотнее идут на международный выставочный обмен, нежели предоставляют свои произведения отечественным периферийным музеям. Это действительно так, но чему же здесь удивляться?

Все учреждения культуры в СССР на протяжении десятилетий финансировались из рух вон плохо, но особенно бедственное положение в областных и районных музеях. Не хватало штатов, оборудования, в тяжелом состоянии здания. Только в нескольких самых крупных музеях страны условия хранения соответствовали общепринятым международным нормам. А чего стоит наша перевозка? Весь мир пользуется для транспортировки произведений искусства специальными автомобилями с микрогосударствами, просторными, каждый год по городам страны отправляются передвижные выставки. Например, в прошлом году Третьяковская галерея организовала четыре такие выставки, которые состояли в Томске, Немерове, Красноярске, Нижнем Тагиле, Новокузнецке, Иркутске, Донецке, Николаеве, Одессе, Иванове, Костроме, Тамбове, Ульяновске. Такой эксплуатация долго не выдержит ни одна картина, и сегодня районы, побирающиеся в названных городах, «отдыхают» в запасниках галереи, а по маршрутам ходят другие произведения (составляющие тоже четыре выставки). А ведь запасы-то наши не безграничны. Не уверен, что в этом деле нужно наращивать «валовые показатели». Не слишком ли велик риск?

Алексей ЛЕБЕДЕВ, ведущий научно-методическим отделом Государственной Третьяковской галереи.

ПАТРИАРХ ВЕТРА

На каждому, кто даже в прошлом веке встретил наступление десятого десятилетия в обстановке... некоторой незаметности. В небольшой двухкомнатной квартире Бориса Борисовича Лобача-Жученко стучит «Эриксон» — он правит рулоником, которую должны срочно отправить в одно из южных отделений, о своей бабушке, о Марии Александровне Виллинской, известной, впрочем, миру как Марко Вовчок — интереснейшей женщине своего времени, родившейся под Ельцом, но ставшей классиком украинской литературы. Ее жизнь тесно переплелась с биографиями Тургенева, Писарева, ряда французских литераторов.

Итак, градат новое издание, новое дело... На каждому, увы, удается написать книгу, посадить дерево, затвердить свое имя в памяти современников и потомков. Борис Борисович многое сумел, найдя при этом и изначально невыгодные обстоятельства. Он, заметим, не только автор, но еще и литературный персонаж. По этой части он есть Борис Лобачевский, замечательный друг и товарищ по отцову безобразию старшей гардемаринской роты Морского кадетского корпуса Василия Бамматова, и запечатлен Сергеем Колбасовым в его замечательной повести «Арсен Люпен». Да, Борис Борисович — из гардемарин.

Повесть воссоздает удивительную для нынешнего чита-

теля атмосферу закрытого военного учебного заведения — Морского корпуса предвоенной поры, ведущего свою родословную от Школы математических и навигацких наук, созданной Петром I в 1701 году. Старейшее военно-морское училище — сейчас имени М. В. Фрунзе — одна из достопримечательностей города на Неве. С середины XVIII века оно занимает бывший дворец фельдмаршала Минина и удивляет редких посетителей из числа гражданских знаменитых автотампозом, поразительным по качеству полотном картинной галереи, небольшими круглыми залами с перистильными колоннами, парадным холлом. Это необыкновенно умиротворяющее, оазисное место, имевшее непреложные традиции.

Об одной из них — о товариществе — рассказывает сегодня Борис Борисович в нашей газете. Как она далека от нынешних надежд, еще не укоренившихся «неуставных», как говорят военные, традиций современных армий и флотов! От «дедовщины», к примеру...

Бориса Борисовича каждый месяц в один из вечеров посещает клубное много народное. Это «Клуб военных капитанов», крышу которому он предоставил много лет назад. Нередко собирается веселый и разный. Я был свидетелем следующего эпизода. Один из гостей рассказал громко и ясно анекдот. С отменным. После-

шался высокий голос хозяина: — Знаете ли, не надо здесь рассказывать такое... У нас в Морском корпусе традиционным было так: ты либо за красных — либо за белых. Так я вот за красных и по сей день!

Эта вера в «красных» многократно испытывалась суровыми обстоятельствами. И на фронтах гражданской войны, и в гражданской войне, куда был исторгнут морской летчик за ненадобностью, а вернее, за слишком уж непролетарское происхождение (вот оно — изначально невыгодное обстоятельство!) Но, как тонко заметил Виктор Конечный, «флот всегда отличался тем, что, будучи невыносим для некоторых людей определенного вида дарования, вытеснял их на себя, усаживая, однако, дить нечто такое, что потом помогало им стать заметными на другом поприще». В связи с этим заметим, что, кроме флотского, в Морском корпусе учились видные деятели русской культуры. В их числе товарищ замечательного «Толкового словаря» В. И. Даль, композитор Н. А. Римский-Корсаков, писатель К. М. Станюкович, художник А. П. Боголюбов, В. В. Верещагин, а также светила науки А. Н. Крылов, Ю. М. Шокальский, А. И. Берг и многие другие, выгодно отличавшиеся «морской костью» на иных поприщах.

Борис Борисович занялся преподаванием точных наук и пролегал парусного спорта — он ведь первый чемпион

СССР, выигравший первенство 1924 года. В 1937 году, когда вошел в строй канал Москва — Волга и появилось озерное водохранилище, он стал основателем яхт-клуба «Водник» и воспитателем московских яхтсменов, из числа которых вышел первый олимпийский чемпион Т. А. Пинигин и другие классные мастера.

С началом Великой Отечественной Борис Борисович добровольно вновь встает под бело-голубой флотский флаг. Осень 1945-го он встречает в Риге, где преподавал в морских училищах штурманскую науку и осваивает под парусом Рижский залив, пролив между эстонскими островами. И здесь он основывает яхт-клуб, воспитывает спортсменов, чемпионов республик и страны, пишет наставления, выпускает в начале 50-х книгу «Парусный спорт». Она открывает серьезное учебное, посвященное древнему искусству дружбы человека с ветром, судит крупнейшие соревнования яхтсменов.

Вчера ему, последнему, может быть, гардемарину, писателю, яхтенному гонимцу, судье асессорской категории и прочая и прочая... исполнилось 90 лет. Он деятелен и, как всегда, целеустремлен — наш патриарх ветра.

Олег ИВАНОВ, председатель президиума Федерации парусного спорта СССР.

презрительно называли фискалами и лобдинками. Это тоже забытые слова, поскольку в советское время донос на товарища, даже на родного отца, не только не осуждался, но поощрялся среди всех слоев населения. Чтобы не быть голословным, приведу отрывок из письма моей матери от 23 марта 1929 г. к отцу, отбывшему заключение в Соловках: «...Мы все получили право голоса на выборы, а потому имеем и карточки (продовольственные). — Б. Л.-Ж.), а кто лишь этого права, — хлеб по двойной цене и без книжки, тоже по норме. Кроме того, сокращают со службы, выгоняют из учебных заведений и выселяют из квартир. Москва нарядная и веселая, трамвай все разукрашен плакатами, например, «Помогайте лишь права голоса».

Вернусь к Морскому корпусу, где меня не удивила, но поразила глубина чувств товарищества. Воле товарищей обаяны были подчиняться все. И это было присуще не только морякам. В Толковом словаре русского языка сказано, что второе переносное значение слова фискал — доносчик, лобдин, разг., презр., и приводится такой пример: «Целый класс, а иногда все училище соглашались не говорить ни слова, исключая брани, с фискалами. Помылосный».

И в упоминаемой выше статье С. Залыгина следующий абзац после приведенной цитаты утверждает: «Но доносить нельзя было ни на кого, даже на начальника. На начальника можно было подать официальную жалобу, еще лучше подать заявленное об уходе с работы с изложением причин ухода: не хочу служить под начальством вятчинки или еще что-то в этом роде. Вообще грубость не допускалась нигде, кроме как в отношениях с начальством. — странно, но факт».

Позволю себе привести цитату из шутливой присяги гардемарин Морского корпуса: «Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь в том, что хожу и должен нашему славному товариществу верно и нелицеприятно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови <...> От то-

варищества и всего, что к чести и славе его надлежит, хоть без денег и большой, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду». В этой присяге записана одна из важнейших традиций Морского корпуса, которой свято следовали учащиеся и уважаемые офицеры.

Для иллюстрации отношения к доносам интеллигентных людей в прошлом я расскажу историю из жизни русского офицера середины XIX века. Капитан одного из полков, расквартированного в захолустном городке на юго-западе, доложив командиру, что знает о существовании тайного офицерского кружка, и передает ему список участников, если его переведут в гвардию. Полковник ответил, что он сам не может обещать перевод, но зарисует начальство. Военный министр доложил об этом царю и получил согласие на перевод капитана в гвардию за раскрытие тайного кружка.

Капитан передал полковнику список офицеров. Кружковцы были арестованы и осуждены, а капитан откомандирован в Петербург для перевода в гвардию. Хотя гвардия и была самым надежным оплотом монархии, но ни один из этих полков не дал согласия на прием офицера-предателя. (В те времена требовалось согласие офицерского собрания полка на прием нового офицера, как на флоте согласие кают-компании на назначение офицера в экипаж корабля).

Перебирая тетради и письма своего отрочества и юности, я нашел чернильные письма к матери с описанием одного эпизода, случившегося в 5-й роте Морского корпуса. Начну словами письма:

«20.9.1914 г. Дорогая моя мамочка! Мне самому очень грустно, я не смогу повидаться со всеми вашими (зиму 1914—1915 гг. наша семья как раз жила в Петербурге). Ты писала, почему все это произошло? — хорошо, я тебе отвечу. Ты, наверно, слышала от меня про лейтенанта Страховича, которого я ненавижу и наоборот. Он страшно строг и несправедливо относится к кадетам, и потому решили его

Он сам обладал феноменальной памятью. В середине февраля 1922 года в Петрограде проходила I съезд волонтерских войск Петроградского военного округа РСФСР, на который я был делегирован от Полтавского Караяева Петроаводская, где находился в составе 1-го гидроавиотряда Балфлота, принимавшего участие в подавлении так называемой «Белокарейской авантюры».

Разыскивая кого-то из знакомых на Фонтанке, захожу в один из дворов, посреди которого две бородачи в черных пальто с обернутыми пуговицами перешивают толстое, задевшее бревно (этим была та же лодка, как и в финскую кампанию 1939—1940 гг.). Бородачи расспрашивают, а подошел к ним, подошел, и не успев задать вопроса, как один из них пошвырнул спрашивает: «Борис Лобач-Жученко? — Так точно...», чуть не добавив «Ваше превосходительство», и мгновенно опознал обоняв: это были Карцев и Григоричев. Помнил, что Н. К. Григоричев пользовался большой любовью и уважением на флотах и после Февральской революции остался единственным неарестованным царским министром. Не тронули его и большевики.

Вернусь, однако, к событиям в пятой роте. Собрание кадетов решило не извиняться и сидеть без отпусков. Помню, что даже присылали смехом, когда генерал Есаулов спомандировал в Петербург для перевода в гвардию. Хотя гвардия и была самым надежным оплотом монархии, но ни один из этих полков не дал согласия на прием офицера-предателя. (В те времена требовалось согласие офицерского собрания полка на прием нового офицера, как на флоте согласие кают-компании на назначение офицера в экипаж корабля).

Перебирая тетради и письма своего отрочества и юности, я нашел чернильные письма к матери с описанием одного эпизода, случившегося в 5-й роте Морского корпуса. Начну словами письма:

«20.9.1914 г. Дорогая моя мамочка! Мне самому очень грустно, я не смогу повидаться со всеми вашими (зиму 1914—1915 гг. наша семья как раз жила в Петербурге). Ты писала, почему все это произошло? — хорошо, я тебе отвечу. Ты, наверно, слышала от меня про лейтенанта Страховича, которого я ненавижу и наоборот. Он страшно строг и несправедливо относится к кадетам, и потому решили его

О ТОВАРИЩЕСТВЕ

СНАЧАЛА несколько слов о родителех и среде, в которой прошло мое детство.

Родившись в конце XIX века, я с самых ранних лет постоянно слышал страшное слово война, которая тогда не казалась мне вовсе страшной. Мне было лет 6—7, когда я, как помню, допытывался: «Мама, мама, вот если идти прямо-прямо, ведь обязательно придется на войну?»

В Порт-Артуре, где прошли мои первые три с половиной года жизни, частенько говорили о недавних русско-японских конфликтах, отец постоянно калепал: «Был бедняжка ранен тяжело, и к китайцам в плен попал...». Позднее в Петербурге запомнились отрывки песни об англо-бурской войне «Трансвааль. Трансвааль — страна моя ты вся горит в огне...» очень популярной в начале века, звучавшей из шарманок бродячих музыкантов. В это время, а затем в Финляндии, — разговоры о забастовках, Десятым января и более всего о войне с японцами.

После недолгой «оттепели» во второй половине пятидесятых годов, на пороге своего шестидесятилетия, я с грустью констатировал: жизнь моя прошла в эпоху войн и революций. Не удалось осуществить мне золотую мечту детства — увидеть на черном ночном небе созвездие Южного Креста и совершить кругосветное плавание...

Отец мой по окончании Технологического института в Петербурге осенью 1899 года поступил на флот младшим инженер-механиком с назначением в Тихоокеанскую эскадру, базировавшуюся в Порт-Артуре. Мама вышла замуж сразу по окончании Саратовской женской гимназии и во времена защиты отцом диплома родила уже второго ребенка. Жили они на свои заработки: отец делал курсовые проекты богатым студентам, чертены в карандаше, мама, как тогда требовалось, обводила их тушью.

Окружение родителей в Порт-Артуре состояло из флотских офицеров, главным образом судовых инженеров и бывших коллег по институту. Надо заметить, что корпус инженер-механиков флота составлял наиболее прогрессивную часть командного состава и в то время не имел офицерских чинов (т. е. воинских званий). Лишь в 1905 году царь, желая привлечь их на свою сторону, присвоил инженер-механикам флоту офицерские звания («по Адмиралтейству», то есть подпоручика, поручика и далее, а с начала первой империалистической войны флотские инженеры получили морские звания — мичмана, лейтенанта и далее.

В Порт-Артуре среди близких друзей родителей был инженер-механик В. В. Зерев (он геройски погиб в войне с Японией, его именем впоследствии был назван эскадренный миноносец), крестный отец моей сестры Марии, а И. Н. Лебедев, командир крейсера 2 ранга «Забияка». Иван Николаевич, командир Морского училища вместе с моим дедом М. Д. Лобачем-Жученко, также погиб в той войне. О нем с большой теплотой и симпатией пишет А. С. Новиков-Прибой в своем документальном романе «Цусима». Среди названий глав III части — «Крейсер «Дмитрий Донской» в верных руках» и «Молодая отава старого крейсера» — характеризуют Лебедева, командира «Дмитрия Донского». Был у нас дома и старший офицер с «Варяга» В. В. Степанов с женою и детьми, о чем я узнал лет семьдесят спустя из переписки с его дочерью — М. В. Мартиной, которая тогда училась во Владивостокской гимназии, а летом жила в Порт-Артуре.

Окружение последующих лет по-

полнилось друзьями родителей студенческих лет из технической интеллигенции, в большинстве весьма порядочных людей. Написал «порядочных» и подумал, что уже лет шестьдесят, как из нашего разговорного языка почти исчезли такие слова, как «порядочный», «благородный», «милосердие» и «бессребренник», очевидно считавшиеся устаревшими и подлежащими забвению, как и многие другие.

В разговорах взрослых я никогда не слышал истории об отце, бросившем на прозволе судью жену и детей, или с проворовавшихся офицерах, за редким исключением — о чиновниках интендантской службы. Замечу, что при деталях «бегалки» говорить о политическом положении в стране и спорить на религиозные темы, что, между прочим, запрещалось в то время и в юрбабельных кают-компаниях, как могущее привести к ссорам. Тем не менее учащиеся были в курсе политических событий: хорошо помню, как в 1912 году в третьем (по-теперешнему в шестом) классе реального училища горячо обсуждали вопрос о «забастовке», то есть прекращении занятий в знак протеста против Ленского расстрела.

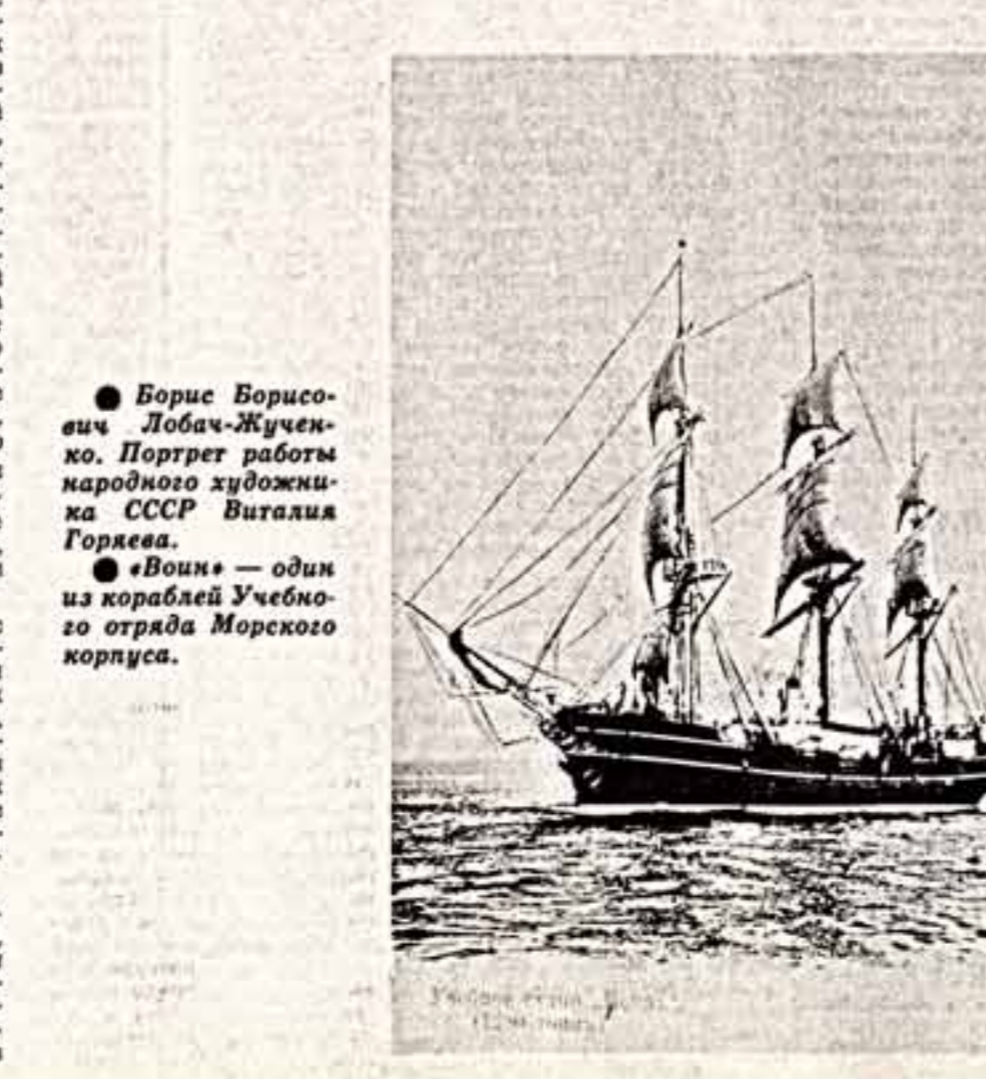
Словом, я рос и воспитывался в среде русской интеллигенции, о людях которой известный современный писатель хорошо сказал: «...Мерило интеллигентности были не только убеждения, и мораль, и творчество как таковые, но и поступки».

Человек, оскорблявший прислугу, незнакомого прохожего, мушкетера, приехавшего на базар, нищего, салонника, кондуктора, — в интеллигентной среде не принадлежал, от него отворачивались, но тот же человек, надерзавший начальству, а то и плонувший ему в лицо (тогда говорилось «в физиономию») вызывал полное доверие».

В 1913 году сбылась моя мечта — я был принят в младшую надетую роту Морского корпуса. Охота была невольная. Пришлось на подготовку и экзаменам потратить много часов летних каникул, упорительно проводимых в играх, спортивных состязаниях, походах и плаваниях на лодке, рыбной ловле недалеко от Выборга на даче, у самого берега небольшого острова. Дело в том, что в Кронштадтском реальном училище мои успехи оценивались в среднем на тройку, а допущению и экзаменам (по проверке знаний и прохождения медицинской комиссии) было 300 абитуриентов на шестьдесят вакансий. Я по сумме баллов оказался 42-м, наковой номер мне был присвоен. Для характеристики царивших нравов замечу, что двое из оказавшихся за роковой чертой, сын министра финансов Александр Шульц и сын начальника Школы строевых унтер-офицеров флота Николай Петров, были приняты, но не вместо 59-го и 60-го, а сверх штата, на свой счет. Специальным приказом морского министра.

В Морской корпус принимали с сословными ограничениями: большинство поступивших оказалось детьми морских офицеров и офицеров других родов оружия, священнослужителей, государственных чиновников, преподавателей, то есть из привычной для меня среды. Из аристократических семейств было немного, еще меньше титулованных и не столько «эриковичей», сколько приблудных и петербургских нецев.

Еще в компании одноклассников-реалистов, знакомых гимназистов, дворовых друзей-мальчишек входила в сознание основная заповедь товарищества — «один за всех и все за одного» — и еще одна, не менее важная, — недоносительство. Доносчик

● Борис Борисович Лобач-Жученко. Портрет работы народного художника СССР Виталия Горьева.
● «Воин» — один из кораблей Учебного отряда Морского корпуса.

«обложить», а именно не отвечать, когда он будет прощаться и здороваться с фронтом. Проще чай и молитвы, когда он обратился к нам: «Спокойной ночи, господа!» — мы все промолчали, если не считать одного, который заговорил не то ослон, не то козлом. Он еще раз «...господа!» и еще раз промолчал... Ночью дополнительно устроили в спальне кошачий концерт.

Утром снова решили не отвечать. Мамына (прозвище Страховича. — Б. Л.-Ж.) это чувствовал и потому после молитвы, желая застраховать, громко крикнул: «Здравствуйте, господа!»; последовало молчание, только некоторые усиленно зашевелили губами; он второй раз — второй раз молчание, прерываемое легким смехом. 3-й раз — тот же результат. На 4-й раз — «Здравствуйте, первая полурута» — молчание. Он идет к телефону и эпонит ротному командиру. Возвратился, опять здоровается и опять молчание...»

Дальнейшее расскажу коротко своими словами. Вернувшись после завтрака в помещенную роту, увидели ожидающего нас командира. Наш ротный, капитан 2 ранга Н. И. Берлинский, поговорить вообще любил, а тут разошелся, не впервые заявив, что «в нашей благородной морской среде завелась шарлатанская оаца» и без излишней скромности повторил давно надоевшее: «Мне и государю императору таких не нужно!». Однако красноречивые увещания просить извинения и лейтенанта Страховича ни к чему не привели. Не распуская фронта, ротный по телефону пригласил заместителя директора по строевой и хозяйственной части генерал-майора А. А. Есаулова, путового нас, что это не проступок, а преступление, и — такое безрезультатно. Генерал доложил о происшествии директору корпуса новоспешенному контр-адмиралу В. А. Нарцеву, который признавал всю роту оставив без отпусков до корпусного праздника 6 ноября, но если кто из кадетов извинится перед лейтенантом Страховичем, того можно увольнять по субботам в обычном порядке.

Нарцев еще в чине капитана I ранга был назначен директором в 1912 году взамен уволенного в отставку вице-адмирала А. И. Русина, которого гардемарини и кадеты очень любили. В эти годы были еще свежи в памяти сданы японцам Порт-Артура и Цусимы — колодезь офицерство ревниво следило за возрождением флота, обмолвленем его руководств. Строго выполнялась «Малая судостроительная программа» — спускались на воду и вступали в строй боевые корабли разных классов, значительно превосходившие аналогичные у других морских держав.

А тут назначение малоизвестного капитана I ранга на адмиральскую должность И к тому же зятя морского министра И. Григоричева.

Старшая гардемаринская рота (выпущена 1913 года) выразила свое неудовольствие скандалом на весь Петербург. Балом 6 ноября в Морском корпусе открывался в то время светский зимний сезон.

Для своих матерей и сестер гардемарини получали приглашения билеты, которые по стовору были организованно переданы проституткам с Невского с обещанием и денежного вознаграждения.

Как-то вечером, после чая и молитвы, нас оставляют по фронту. Являются ротный, генерал Есаулов и директор корпуса, сопровождающие начальника штаба Балтийского флота вице-адмирала В. А. Каннина. Адмирал здоровается с ротой, емлю. Громко и тепло отвечает, Дерзнет речь: он сам-де окончил Морской корпус, чит его славные традиции, и пр., и пр., но позволяет себе просить нас простить его сына. Прощается с нами и со всей святой уходит.

Все в курилку. Мнение одно — не прощать, с Канниным по-прежнему не разговаривать. В скором времени его песовели в младшую роту, тем более что он сильно отстал в науках, был унылым. В роте бывали дуэлисты на преподавателя, начальство и учителя кадетов, так называемые «журвалы»; на преподавателя физики Толстого, очень доходчиво объяснявшего самые трудные вопросы своего предмета, ходил такой «журвал»: «Толстой нам читает, даже Каннин понимает!»

Как только узнали о его переводе в шестую роту — туда ходили с насозом: с Канниным не разговаривали. И кадеты не разговаривали. Пришлось вице-адмиралу забирать своего сына из Морского корпуса.

Не прощали мы и других аморальных поступков. Один из кадетов, по фамилии Войцеховский, был увлечен в краше у одноклассника серебряного поручика Украинский признался в своей вине командиром роты и по требованию товарищей была увлечена из корпуса немедленно. В то время войны никакими «строгачами» не отделялись.

Надо сказать, что конторы, в которых мы хранили учебники, тетради, письма и почтовую бумагу, дневники и деньги, а также мелкие вещи — портсигары, записки, часы, — не заперлись (и не имели заперов). Случаи воровства были чрезвычайными происшествиями: нас воспитывали, как будущих офицеров, честными людьми.

Вначале я упомянул, что родители не позволяли себе при деталях обсуждать политические события, но иногда отца «прорывало». Как-то он вел меня с собой в Петербург, где ему надо было побывать на Обуховском сталелитейном заводе. На меня произвело неизгладимое впечатление, как из печей, пышущих огнем, вылетали пламя, выдвигались стволы двенадцатидюймовых орудий и затем опускались в колодезь с маслом.

Вернувшись в Питер, мы отправлялись к дяде, жившему на 6-й линии Васильевского острова около Среднего проспекта. Переходя узенький бульварчик, увидел лежащего в ямке беспомощно лежущего, и папа сказал: «Смотри, на дождь от вида правительством строят дрезднути, пушки для которых мы видели на заводе!»

Такая воляность мыслей отцу не прощались. В 1905 году за участие в политической демонстрации рабочий завода Крейтона в Або (г. Турку, Финляндия) ему было предложено подать в отставку. Правда, через три года он был принят на преподавательскую работу в Морское инженерное училище (в Кронштадте), а с началом войны его использовал на приемные заказы Морского ведомства.

В краткой аттестации отца по службе в царском флоте значилось: «Из студента, аттест.; в советское время в 1924 году, при оставлении отцом военно-морской службы, характеристика его была такая кратка и категорична: «Из офицеров, ходит в церковь». Так подтвердилось философское определение единства противоположностей!

Борис ЛОБАЧ-ЖУЧЕНКО.

Вслед за Дон Кихотом

В двадцатых годах среди пушкинщиков родился термин «медленное чтение» — чтение, позволяющее глубже вникнуть в, казалось бы, хрестоматийно известный текст, открыть в нем новое, ранее не замеченное.

Фильм «Житие Дон Кихота и Санчо» (совместное производство киностудии «Грузияфильм», фирмы Мигель Санчес Ифантес и Государственного телевидения Басконии) так и хочется окрестить «медленным телечением».

Признаюсь, я усаживался перед экраном не без скепсиса, припоминая рассуждения самого Дон Кихота о том, что перевод с одного языка на другой (а тут перед нами тоже своего рода перевод) — «это все равно что фламандский ковер с изнанки... нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне».

Но вот зазвучали такты музыки, написанной Гией Канчели, — прозрачные, щемлящие, за душу хватающие, как само это зрелище движущихся в путь героев, едущих не просто по своей родной земле, но через века, навстречу неумолимым, насмешкам и глумлению.

О, этот трагический путь, где, как скажет Дон Кихота в горькую минуту, все, что он делает и делает, принимая другую вид, где самые великие устремления оборачиваются «большими горами уродства» и где люди, которых ты душой очистишь, пролипают тебя или зло над тобой смеются...

Мы тоже приоткрылись потрунить над рыцарем Печального образа, над его смешным лицом «в полмили длиной», как сказано в романе, над его бесконечными промахами и оплошностями? Не торопитесь! «Мы смеемся над Дон Кихотом... но... кто из нас может, добросовестно вопроса себя, свои прошлые, свои настоящие убеждения, кто решится утверждать, что он всегда и во всяком случае различит и различит изюминки оловянный газ от волшебного золотого шлема?.. Мы сами на своем веку, в наших странствований видели людей, умирающих за то, что мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала...» — так говорил Тургенев в середине прошлого столетия. И, увы, наш век звал, пожалуй, куда больше ослепления.

Вспомнившиеся слова были сказаны Тургеневым в речи, в которой он сопоставлял те-

роен Сервантеса и Шекспира. Фильм тоже открывает (и завершает) встречу Дон Кихота с Гамлетом, который с сомнением, грустью и уважением (если не завистью!) всматривается в смешного чудака, перешедшего по тургеневскому определению, крепко и без оглядки.

Простодушная героиня гоголевской «Женитьбы» мечтала, как бы к носу одного жениха прибавить черты другого. И человечеству не раз было бы впору вздохнуть подобным же образом: ах, и гамлетовской бы трезвости еще б и донкихотовской поры!

Но у нас перед глазами — иная пара: Дон Кихот (Нахи Кавсадзе) и Санчо Парса (Мамука Кикалейшвили).

Трудно — да и нужно ли? — отдать предпочтение кому-либо из них. Великолепен Кавсадзе в своем струящемся из его глаз наивном и прекрасном благородстве, в своей неподдельной доброте (как он утешает бедных страдальцев сумасшедшего дома), наконец, в своих прозрениях не только относительно собственных горестных «подвигов», но и насчет поступков вполне «нормальных» людей.

Незабываем его разговор с полым лучшим намерением разбойником Роке, которого он хочет обучить рыцарскому благородству.

— Насчет рыцарства поговорим потом, — отмахивается Роке.

— Но вдруг потом будет поздно? — грустно роняет Дон Кихот.

И насколько же прав этот «безумец»!

Но тот же Дон Кихот страшен, когда в его добрых глазах загорается фанатичное уп-

ряство, с каким он добивается восславления Дульцине: «Я требую, чтобы вы уверовали в истинность моих слов, не видя этой госпожи», или крушит кукол, приняв их за самодельных врагов-мавров (ну, а если б это были не куклы?!).

Санчо Парса часто воспринимает как некое антипода своего господина, грубоватую «поправку» к его фантазиям. Кикалейшвили играет нечто другое — предельную наивность и доверчивость, само простодушие и мечтательные упования на покой и достаток, упования, которые постоянно обманывает жизнь. Его скромные грезы так же трогательно трусят за донкихотовскими миражами, как серый ослик за Россинантом, и в изобилии получает колотушки и понон. «Не рыцарь я, но при каждой перепалке больше рыцаря меня дубасят», — это горестное причитание Санчо могли бы на разных языках повторить многочисленные родичи «забанного» персонажа, не на страницах книги, а в самой реальной действительности устремляющиеся вслед за тем или иным Дон Кихотом.

И так же, как рыцарь Печального образа, его незадачливый оруженосец за пределами своего одержимости не раз спускает смеющихся над ним. Вы можете улыбнуться над похвальбой Санчо, будто у него «шутки сыплются чаще дождевых капель», но что-то от пронзительного и меткого остроумия шекспировских шутов не раз молнией вспыхивает в его репликах Дон Кихоту, который вынужден признать: иное замечание Санчо — «скорее совет философа, чем суждение неуча». И его мимолетное пребывание в роли губернатора, право же, обернулось не каскадом нелепо-

стей генишего «не в свои сани», а фееричером таившихся дотоле под спудом ума и догадливости. И суд его — иль дать, иль взять, соломоны, а уж отказ от предлагаемых ему титулов и излишнего величия дорогого стоит во все вена.

Готовность же Санчо впитать в поражение Дон Кихота самого себя, с такой страстью выказанная Кикалейшвили, свидетельствует о сострадании и благородстве, каких не знает никто вокруг...

Авторы сценария — Маршал Суарес, Сулико Жегити и Рецо Чхеидзе (он же — режиссер-постановщик) неизменно почтительны и к тексту романа. За одним, быть может, исключением, когда они вступают с ним в спор.

На последней странице этой великой книги говорится, что ее герой лежит в могиле, «вытнувшись во весь рост, ибо уже не способен совершить третий выезд и новый поход...».

Но, как сказал соотечественник автора — философ Мигель де Унамуно, «где могилка, там и колбелка». И в фильме мадридские мальчуганы ночью прокрадываются в музей, где на стенде высланы безмолвные фигуры Рыцаря и Санчо, разбивают стекло, и... герои Сервантеса оживают, выезжают на улицу, не смущаясь же современным антуражем и бесконечным потоком автомашин, и снова отправляются в поход.

Один из «новой волны» наших драматургов в недавней газетной статье едко иронизировал над теми ценителями, которые спешат во-проскурки воскликнуть: «Где же тут режиссура!» — если последняя, что называется, не лезет в глаза. Работа Рецо Чхеидзе прямо-таки навлекает на себя подобные приговоры,

ибо в лучшем смысле она традиционна. Он, по данному выражению, умер и в актерях, и в музыке Канчели, и в пейзажах Испании, снятых безо всякого нажима на эзопитку. (И дороги, по которым колесит Дон Кихот и Санчо, и стопок сенца, вокруг которого они кружат, и круг... не то что «обрусели», а, напротив, сделались символом всеветских сдвиганий сервантесовских героев и самой сервантесовской мысли).

И лишь в редких случаях, подобных описанной выше сцене или встрече рыцаря Печального образа с Гамлетом, четко проступает в фильме режиссерский «курсив» — именно его прочтении книги, его мысль о ее месте в контексте всей мировой культуры и в «буднях» нашего собственного века.

Где-то теперь объявятся герои Сервантеса? — направляет ход наших размышлений Рецо Чхеидзе, какую Дульцинею станет восславлять Дон Кихот и на что рассчитывать Санчо, за которого в случае очередной неудачи вновь будут расплачиваться «обычные» его почитатели — собственные бока? Будем ли мы грустно сочувствовать рыцарю Печального образа или, что тоже вполне может случиться, напротив, негодовать на него, когда он потребует от кого-то признать красоту и доброту души Дульцинею, от которой несет уже даже не чешуею, а кровью?

Бесконечные загадки поэмы задают нам эта книга, повесница Варфоломеевской ночи, дожиная до «ночи длинных ножей» и атомных кошмаров и своей неспешной походкой обгоняющая тьму и тьму новорожденных, архисовременных по своей тематике и приемам книг.

Это у Санчо, к его огорчению, бурдюк с вином даже со вчерашнего дня «слетка осушен».

Сервантесовский же шедевр поистине неочертаем.

«Житие Дон Кихота и Санчо» снова убедительно напоминает об этом.

А. ТУРКОВ.

Художник Алексей Шмаринов

Четверть века отдал работу над циклом графических серий «Житие героического прошлого русского народа». Алексей Шмаринов — один из ведущих графиков России. Результатом многолетнего труда стали более ста графических листов, посвященных истории нашей Родины. Среди них и станковые серию, и иллюстрации к трем историческим сборникам. Многие музеи приобрели работы художника. Среди них также собрания, как Государ-

● «Русские глаза». Из серии «Куликовская битва».
● Художник-график А. Шмаринов.
● «На костях». Из серии «Заволжская».
● «Серый Рабонезский». Из серии «Герои русского народа XIII—XV веков».

ОТ МОНОЛОГА К ПОЛИФОНИИ

Мусоргский, «третье чудо России», пришел в Японию сравнительно недавно, лет пятнадцать — двадцать назад. Он не ослепляет место Петра Ильича Чайковского в сердцах японцев, уж очень глубоко любовь и Чайковскому проникла в музыкальную алоэ этой нации. И все же

сегодня можно говорить уже не просто о знакомстве, о широкой восприимчивости Мусоргского в Японии, но о гораздо большем. Затихла последние звуки «Картинок с выставки», востенно утасли аллодисменты в знаменитом «Сантори-холле», и не осталось сомнения, что без предостережения лет

лишь оставшиеся с царских времен, а весь мир на новом техническом витке соорудил и продолжал соорудить современные здания концерт-

— Сейчас мы переживаем сложный переходный период, когда, с одной стороны, рушится многое не оправдав надежды, а с другой, появляются надежды, связанные с возможностью прочного и, дай бог, окончательного вхождения страны в международное сообщество. Соответственно, наша длительная работа «западные культуры» должна влиться в культуру общечеловеческую, при этом непременно в качестве самоценной, самостоятельной и именно в силу этого абсолютно необходимой для целостности картины мира.

— Работая здесь, в Японии, перед лицом всеми признанных условий никогда закрытой страны, «априорной» нации, неизменно черпаешь силы, если хочешь, самоувереннее ни в чем другом, как в нашей культуре, в богатейшем ее наследии, в том числе музыкальном. Ведь наша отечественная музыка составляет значительную долю того мирового духовного богатства, к которому в столь короткие исторические сроки приближились японцы и при этом продолжают его изучать, пристально следят за его развитием. Все концерт — еще одно тому подтверждение, позволяющее верить: XXI век, не порога которого мы стоим, действительно станет веком культуры диалогов.

— Да, как мы знаем, сама наша культура переживает кризис, и музыкальное искусство, являющееся, пожалуй, единственной конкурентоспособной отраслью нашей отечественной деятельности и поэтому, кстати, обеспечивающее стране валютные поступления, само нуждается в помощи.

— Да, мы безмерно обнищали духовно и, следовательно, материально. Искусство всегда требовало огромных затрат. Рембрандту, Тициану, великим художникам нужны были хорошие, стойкие краски. Чюрленис рисовал яркими нецветными, поэтому его живопись, и величайшему горю, блевает. Музыкантам нужны просторные филармонические залы, нужны оркестры, хоры, филармония, и если отъехать чуть дальше от Москвы, Ленинграда, Киева, то тем оркестры напоминают неважную команду, в них вверялись нарушены пропорции: вместо 16 скрипок — 7... Я знаю случаи, когда партитуры фетата играли, скажем, на пюпитре, потому что оркестра нет фототестов. В США, например, более полутора тысяч оркестров, а у нас с трудом неслили около пятидесяти, к тому же большинство из них еще укомплектованы.

— Теперь об инструментах. На чем играют наши музыканты? На том, что бо послал. У струнников нет струн, у духовников — тростей: кто-то где-то купил, кому-то досталось по наследству, так вот и набравается на три-четыре оркестра...

Концертные залы — самая большая тема для наших музыкантов. У нас по существу сохранился один хороший зал в стране — это Ленинградская филармония. При недавнем косметическом ремонте умудрились нанести заметный ущерб акустике Большого зала. Колонный же зал погубили: подняли сцену, пол снизу залили цементом — и звук стал мертвым. Для неконвенционных мастеров, полтора, юбилея, собраный (ведь бывшее Даорисовское собрание принадлежит профессору) он вполне пригоден, для серьезных концертов — уже нет. А ведь когда-то в этом зале выступал Лист, Берлиоз, Чайковский... За 70 лет мы не построили ни одного филармонического зала, отнюдь не беремно пользуем

возродить его будет не просто, если вообще возможно. Все замыкается на слов чиновного люда. Вы говорите о Японии, но владельцам компании «Сантори» не нужно идти к премьер-министру и объяснять пользу «используемой» статьи.

— Все упирается в нашу древнюю, прорывавшую систему. Библейско-пророческие слова Ресуле Гамзатов: «от кривой палки прямой тени не будет!» Не хочется пересматривать ноты, но, честно скажу, и у меня, по натуре оптимиста, надежда поубавилась...

— Сейчас благодаря перестройке советские музыканты все чаще заключают контракты... Приемным становится сотрудничество в многонациональных культурных программах, отдельных концертах, спектаклях. Расскажите о вашем японском опыте такого рода: пусть несомненный успех музыки «Нина и 12 месяцев» на вашу музыку, представленные которого недавно состоялось в Нагоя, послужит вневечно более оптимистической интонации в наш диалог.

— Незаконорожденное дитя мое... Это мир, в котором я никогда прежде не работал и, честно признаюсь, не собирался, но последовало предложение фирмы «Хори продажи» — известной и солидной (капитал 57 млн. долларов), единственной японской компании такого рода, имеющей акции на бирже. Все это мне было рассказано прежнему специально в Москву представителем компании, в рискнул попробовать, согласился, в результате чего прощая два самых страшных судя в своей жизни.

— Если хотите, судьба подкинула мне профессиональный экзамен: написать в кратчайший срок произведение в жанре, которого я до тех пор не касался, к тому же на слова, поощенные японскими, на японское либретто. Приглашены были так же американские певцы с Бродвея и техническая специализация. Из японских исполнителей надо отметить известную телезвезду Эсико Мита и «японского Райкина» — Дзиро Сакагами. Главная же роль играет Эсико Токосима, балерина, несколько лет назад получившая премию по юниорской группе на Московском международном конкурсе. Она же завоевала и первую премию на Всесоюзном конкурсе Белета, а вот лить ей пришлось впервые: два месяца, по шесть часов занималась певцом — и научилась. Только японцы так могут...

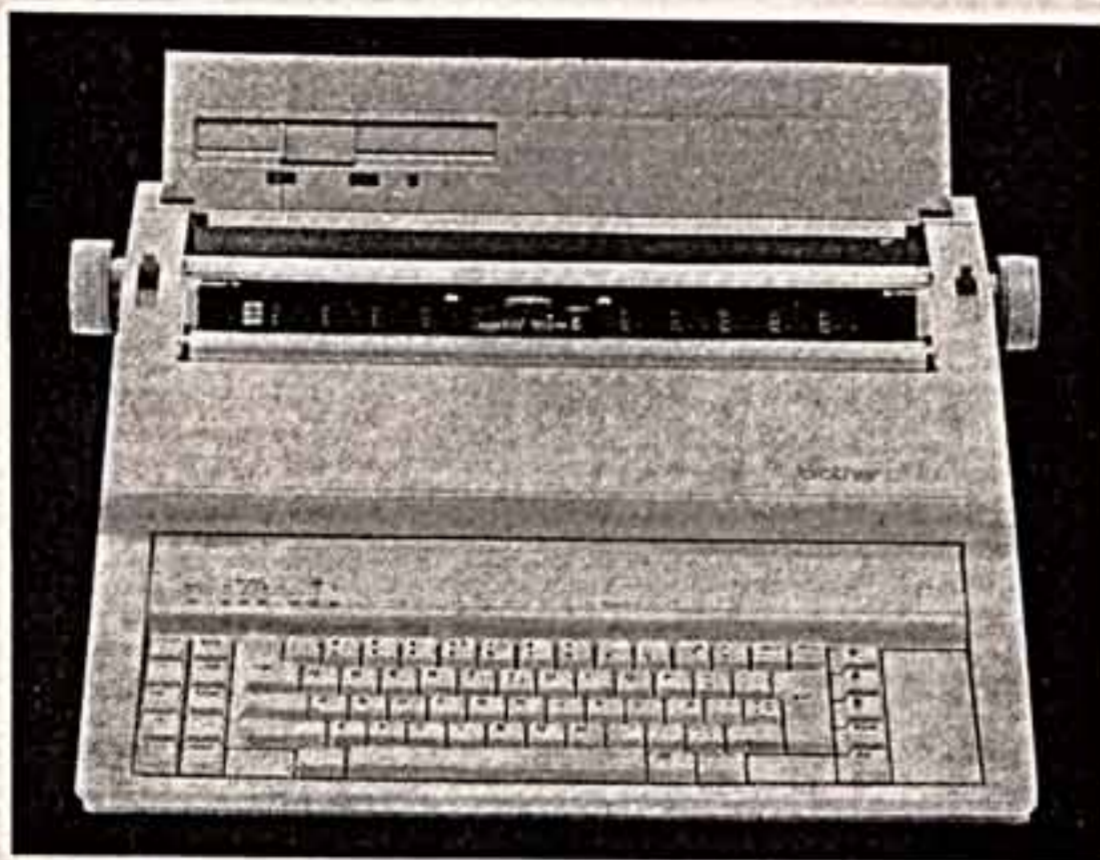
— Видимо, японцы умеют одно, американцы — другое, русские — третье, коль скоро свершилось такое сотрудничество. Все же для оптимизма есть почва, если мы дошли до такого времени, когда наши музыканты могут заключать контракты, работать в разных странах — когда в сфере музыкального творчества, и не только его одного, вместе затнувшегося глубокого монолога начал звучать диалог, намечается полифония. Здесь, в Японии, благоприятность такого международного сотрудничества, культурной открытости уже давно не вызывает сомнения. Японский же опыт говорит: признаваться в собственных ошибках, учиться ни у кого и никогда не грех. Кажется, хотя бы в сфере культурного сотрудничества мы начинаем это делать.

Владислав ДУНАЕВ.
(Соб. коор. АПН — специально для «Советской культуры».)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭЛЕКТРОННО-ПИШУЩИЕ МАШИНЫ С ПАМЯТЬЮ „brother“

(С РУССКИМ,
ЛАТИНСКИМ
ШРИФТАМИ)

CE-600

КОПИРОВАЛЬНАЯ ТЕХНИКА

„RANK XEROX“

КОМПЬЮТЕРЫ

„mitac“

Совместное советско-японское предприятие
«ЛИКО-РАДУГА»

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ:

(оплата в СКВ)

Москва, 129010, Гроховский пер., 29,
телефоны: 280-44-47, 280-34-00.
Телефакс: 280-44-28.
Ленинград, 197042, Петровская коса, д. 7,
Центральный ахт-клуб (для «ЛИКО-РАДУГА»),
телефон: 235-70-67

Киев, 252110, ул. Соломенская, 7-а,
телефоны: 276-51-68, 271-40-29.
Телефакс: 276-03-35.

Кишинев, ул. Керченская, д. 7,
телефон: 26-36-30.

ШИРОКАЯ ПРОДАЖА

(оплата в СКВ):

ФИШЕРМАНЗ ХАРБОР
Япония, г. Огари, Такасики, 1-8-16.
Телефакс: 0134-62-6085.

Научно-производственное объединение «ПРОГНОСТИКА» ЦЭНДИСИ Академии наук СССР

— ПРОВОДИМ ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКУ, ВНЕДРЕНИЕ: новых форм и методов хозяйствования, включая арендный подряд, региональный хозрасчет, организацию акционерных, кооперативных и других форм производственных отношений;

— ПРОЕКТИРУЕМ организационные структуры управления;

— РАЗРАБАТЫВАЕМ и ВНЕДРЯЕМ автоматизированные рабочие места специалистов и управленцев;

— РАЗРАБАТЫВАЕМ и РЕШАЕМ проблемы производственной социологии;

— СОЗДАЕМ автоматизированные системы проектирования технологии и технологических процессов пайки металлов;

— ОСУЩЕСТВЛЯЕМ разработку и внедрение программно-технических комплексов на базе современных персональных ЭВМ.

НПО «Прогностика» предлагает впервые разработанный, не имеющий аналога в мировой практике менеджмента **СПРАВОЧНИК МЕНЕДЖЕРА** в 18 томах под редакцией доктора экономических наук профессора В. А. Лисичкина.

СПРАВОЧНИК МЕНЕДЖЕРА содержит необходимые любому руководителю методические и практические рекомендации по управлению производством, подготовке менеджеров, созданию совместных предприятий, основы маркетинга.

- Том 1. Сборник нормативно-методических материалов по организации кооперативной и арендной форм производства.
 - Том 2. Сборник методических материалов по прогнозированию организационных структур.
 - Том 3. Научно-технический прогресс в условиях перестройки: опыт, проблемы, решения.
 - Том 4. Практикум по программированию и персональным ЭВМ для менеджера.
 - Том 5. Общие вопросы управления (терминологический словарь по управлению на 8 языках).
 - Том 6. Математические основы управления (терминологический словарь по управлению на 8 языках).
 - Том 7. Информатика и программирование (терминологический словарь по управлению на 8 языках).
 - Том 8. Экономика (терминологический словарь по управлению на 8 языках).
 - Том 9. Основы маркетинга.
 - Том 10. Опыт зарубежных фирм в области менеджмента и маркетинга.
 - Том 11. Инструментарий моделирования и прогнозирования для менеджера.
 - Том 12. Социально-экономический облик СССР в 2000 году.
 - Том 13. Совместные предприятия.
 - Том 14. Подготовка менеджеров.
 - Том 15. От системного мышления к эффективному производству.
 - Том 16. Сборник нормативно-методической документации по организации ассоциаций, консорциумов, концернов.
 - Том 17. Хозрасчет региона.
 - Том 18. Time менеджера.
- Каждый том будет иметь ежегодное продолжение по мере получения новых научных и практических данных.
Справочник менеджера — энциклопедия делового человека!

Оплата научно-технической
продукции НПО
«Прогностика» производится
в соответствии с договорной
ценой по внутреннему
рублевому курсу.

С запросами просим
обращаться по адресу:
Москва, ул. Сретенка, д. 20,
или по телефонам:
207-00-03, 207-00-08.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ДАЙДЖЕСТЫ «ИНФОРМЭКС-ПРЕССА» — ИСТОЧНИК НЕЗАМЕНИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Хозрасчетный центр научно-технических услуг «Информэкспресс» предлагает новый вид информации для руководителей, хозяйственников, кооператоров, актива СТИ — **ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ** выпуски реферативных дайджестов сборников газетных публикаций по следующим темам:

- Перестройка экономических отношений на предприятии и в научных организациях: опыт и проблемы
- Как выйти на внешний рынок
- Быть хозяином на земле (новые экономические решения в аграрном секторе)
- Кооперативное движение: проблемы и решения
- Решения неформальных иду-ду трудовых коллективов, администраций, выходящей организации
- Как сберечь здоровье и повысить работоспособность
- Секреты рационального питания
- Владелицу дачного участка.

ДАЙДЖЕСТЫ «ИНФОРМЭКС-ПРЕССА» — уникальные выжимки фактов, опыта, аргументов «за» и «против», официальных и неофициальных точек зрения, опубликованных в советских газетах по определенной теме.

ДАЙДЖЕСТЫ составляются на основе анализа **КАЖДОГО** номера **ВСЕХ** центральных и республиканских русскоязычных газет, включенных в каталог «Союзгиз», а также ряда областных газет Российской Федерации и Украины. Гарантированный минимум обрабатываемых газет — 74.

ДАЙДЖЕСТЫ «ИНФОРМЭКС-ПРЕССА» распространяются только по договорам с предприятиями, организациями, кооперативами, торговыми представителями и в розничную продажу не поступают. Стоимость подписки на одну из перечисленных тем на 1990 год — 37 рублей.

«Информэкспресс» готов обсудить с Вами также финансовые условия подготовки дайджестов и по другим темам, кроме названных выше. Подписи на дайджесты центра «Информэкспресс» — самый экономичный способ получения незаменимой информации.

Для получения бланков договорных документов обращайтесь по адресу: 252601, Киев, ГСП, ул. Рогнединская, 2. «Информэкспресс». Телефоны: 261-09-77, 268-23-52, г. Киев.

Всесоюзное творческо-производственное кооперативное объединение «МУЗА» создает новый коллектив балета «МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ТАНЦА».

Художественный руководитель-консультант — народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Л. И. Семеника.

Главный балетмейстер — заслуженный деятель искусства Коми АССР, лауреат Государственной премии РСФСР Б. И. Мяков.

С 1 по 10 декабря этого года «МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ТАНЦА» проводит конкурс в балетную труппу.

Просмотр состоится в помещении тренировочного зала спортивного Дворца ЦСКА по адресу: Ленинградский пр., д. 39.

Справки с 10 до 13 часов ежедневно по телефонам: 248-53-78, 248-57-06.

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА

объявляет КОНКУРС во вновь создаваемый Государственный ансамбль народной музыки:

в оркестровую группу, в вокальную группу (женщины), в танцевальную группу (мужчины и женщины).

Прослушивание с 20 ноября по 10 декабря 1989 г. в помещении филармонии с 10 до 19 часов.

Наш адрес: г. Вологда, ул. Лермонтова, 21, тел.: 2-13-91.

т. 921-36-23

ДОРОГИЕ МУЖЧИНЫ!
Если у вас есть проблемы в личной жизни или вы опасаетесь, что она возникнет в будущем, мы готовы помочь вам. Обратитесь к нам по адресу: 15-1-185175 Москва, 1-я ул. Сивильной горы.

Мы вышлем специально разработанную уникальную методику, позволяющую вам получить индивидуальную консультативную помощь.

В вас введут советы по образу жизни, рекомендации по оптимальному сексуальному ритму, а при необходимости — адрес лучшего вам специалиста. Адрес вышлем.

Запомните: если в семье возникли проблемы, то именно это слово и составляет здоровые главы семьи.

Вас ждет «Консультант». Анонимность гарантирована.

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ 285-77-09